

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДОМ ДЛЯ
КАРУСОВ

— А теперь закройте на минутку... сказал мне Пискарев. — И слушайте. Ногами слушайте.

Вокруг нас гудели многочисленные станки — токарные, шлифовальные, они густо соседствовали друг с другом, шум их смешивался в то, что иногда называют «заводской симфонией». Только токийкий звук, причём звук не музыкальный, а спёртый, ступенчатый или наладчиковый мог бы выделиться из неслогового «пошфофного». Вначале я слышал только этот хор станков, слитый в многообразный гул, потом почувствовал, как вздрагивают под ногами массивные плиты. Посмотрел на Пискарева, согнулся так же, как он, коснулся ладонью каменного пола, на мгновение представил себя врачом у постели больного, тотчас же услышал нерешительный пшум: хех! ту-тук, ту-тук.

Однажды в Таджикистане я почувствовал, как вздрагивает под ногами земля, толчок был настолько неожиданным и неотчетливым, что я даже не подумал о землетрясении, пока мой посетитель, опытный геолог, не произнес это слово. Чем-то похоже на тот дивный, памирский, так же далекий, неотчетливый, но зато непрерывные толчки слышались и сейчас. Возможно, я обратил бы на них внимание, как не замечаю их многие в первом чехе мехаликский, если бы не наладчик Николай Иванович Пискарев. Ему эти микроземлетрясения давно покой не дают, много слышал охотников погорать. Справедливости ради надо сказать, что и сам Пискарев из-за этих толчков кое-кому до сих пор и «кряк портить» и, как он признается, «на нервы жмёт». Не первый год предаётся он изоляции своей реализованной частью участка от расположенных вблизи прессов, где и рождаются такие «землетрясения». Даже план изоляции предложил наладчик, с расчётами, с чертёжком самодельным. План привёз, привёз рационализаторским предложением и вознаграждение выдал, но пока все осталось по-прежнему.

— На наш участок без конца приезжают делегации с родственных заводов, смотрят, учатся, удивляются. Еще бы не удивлялись на старых лавтовых-перелатных станках, переоборудованных заводскими умельцами так, что от первоначальных машин осталось только название, шлифовщики добираются десятого класса чистоты, делают самую высококачественную продукцию в отрасли.

А отсюда им и почести и награбки к зарплате. Пискареву, как наладчику, естественно, тоже. Чем же недоволен он, что еще добавится?

— Даже на этих станках мы могли бы добиться еще более высокого качества.

Николай Иванович мечтает достичь высшего класса чистоты. Впрочем, насколько и его мечта, это относится не к станкам, а к самим деталям, кообразным роликам, но касается всего, за что берется этот человек. Поэтому и те толчки, которые не все даже ногами слышат, отдаются ему прямо в сердце.

У Пискарева три станка. Они составляют маленькую полуавтоматическую линию. Связывает их тоненькие конвейеры, по которым от станка к станку мчатся ролики, становясь после каждой операции все чище и точнее. Николай Иванович иногда меня водит своей линией, объясняя назначение каждого станка и поглаживая их салатовые бока, как добрый наездник поглаживает лошадь.

Вот от этих «рыскалов» и зависит качество продукции.

— По-моему, дело не только в станках. Скорее

всего в качестве продукции «новинки» стальной, человек. Все зависит от его квалификации.

— Мы с вами в крайности ударимся, но «полюсам» гуляем, а повышение качества продукции — проблема комплексная. И в этом комплексе нет ничего второстепенного, нет мелочей. Все здесь главное — и оборудование, и квалификация работников, и строгое соблюдение технологии, и ритмичность производства. Станок не наладчик как следует брать. Вышел токарь с похмелья — доброй продукции от него не жди. Завод, какой изобретет, половину продукции выпускает в третьей декаде — разне до качества там! Штурмовщина, естественно, увеличивает количество брака, обрывается непрерывно и для каждого человека, и для самого предприятия, и для общества в целом.

Качество продукции, как видите, неразрывно связано с ритмичностью работы предприятия, уровнем организации труда и управления. Без какой культуры производства настоящего качества добиться невозможно.

— Была и как-то на одном уральском заводе, который громко именовался «предприятием высочайшей культуры», даже дословно вписано на заводеуправлении и извещала об этом, но слышало это «высококультурное» предприятие штурмовщины, брак, текучесть кадров.

— Может быть, на том заводе в чехе хоть что-то было? Бывает, что подменяют понятия. Выметут вас и уже кричат о своей культуре.

— И у вас к чистоте относится ревностно.

Производство наше такое, чистота требует. Насерваazole ставка, так и «агорать» может. И начальник цеха ходит, высматривает, и комсомольцы-прожектористы свои проверки устраивают. Оного моего знакомого, он тоже вальщик, недавно даже на производственном постоянно действующем совещании вызывали за то, что станки не убраны. Выскочил оттуда как из бани, красный щеки и мокрый, но без обиды — понимает сам: не убережь станок — интересная работа.

— Может быть, на этом заводе и в чехе хоть что-то было? Бывает, что подменяют понятия. Выметут вас и уже кричат о своей культуре.

— И у вас к чистоте относится ревностно. Производства наше такое, чистота требует. Насерваazole ставка, так и «агорать» может. И начальник цеха ходит, высматривает, и комсомольцы-прожектористы свои проверки устраивают. Оного моего знакомого, он тоже вальщик, недавно даже на производственном постоянно действующем совещании вызывали за то, что станки не убраны. Выскочил оттуда как из бани, красный щеки и мокрый, но без обиды — понимает сам: не убережь станок — интересная работа.

— Может быть, на этом заводе и в чехе хоть что-то было? Бывает, что подменяют понятия. Выметут вас и уже кричат о своей культуре.

— И у вас к чистоте относится ревностно. Производства наше такое, чистота требует. Насерваazole ставка, так и «агорать» может. И начальник цеха ходит, высматривает, и комсомольцы-прожектористы свои проверки устраивают. Оного моего знакомого, он тоже вальщик, недавно даже на производственном постоянно действующем совещании вызывали за то, что станки не убраны. Выскочил оттуда как из бани, красный щеки и мокрый, но без обиды — понимает сам: не убережь станок — интересная работа.

— И у вас к чистоте относится ревностно. Производства наше такое, чистота требует. Насерваazole ставка, так и «агорать» может. И начальник цеха ходит, высматривает, и комсомольцы-прожектористы свои проверки устраивают. Оного моего знакомого, он тоже вальщик, недавно даже на производственном постоянно действующем совещании вызывали за то, что станки не убраны. Выскочил оттуда как из бани, красный щеки и мокрый, но без обиды — понимает сам: не убережь станок — интересная работа.

С наладчиком
Первого государственного
подшипникового завода
Николаем Ивановичем
ПИСКАРЕВЫМ
беседует
специальный корреспондент
«Смены»
Анатолий БАРАНОВ

называли его выставочным экспонатом. Но цех работал, да еще как! Он стал такой же нерешительный, как подшипниковый производитель, каким был «УТИ-44» в самолостроении. И в случайно в списке первых лауреатов Ленинской премии стоит рядом имена Туполева и нашего директора Громова. А вследа за перем-автоматом родился второй, третий, появились сотни автоматических поточных линий. И сейчас наше производство с каждым днем совершенствуется. Видите, качество ларом не дается, оно требует постоянного обновления и совершенствования оборудования. Вот и мои станки лет пятнадцать назад, после реконструкции нашего цеха, казались мне совершенными, но время идет, оно предъявляет рабочим все новые и новые требования. Мы, естественно, так же же требования техские адресуем. Обеспечиваю искоре и мои станки заменить, тогда, наверное, и участок от прессов изолируют.

Николай Иванович достал из кармана тошечный пенал, извлекает из него металлическую палочку, похожую на шариковую ручку. На конце ее действительно, как у ручки, крошотный шарик — оскомок алмаза. Пискарев алмазным резцом правит абразивный круг. Грубая была работа и опасна. Чуть один раз вынул алмаз и ролик, словно пуля, вылетает. Очень бы наладчиковое пособие вышло из этой валаки. Молодым шлифовщикам в поучение. Да и нам, ветеранам, в память, а то теперь самому не верится, что так работало и было время, и нам кое-что не верня. Когда на заводе запустили первый в мире чех-автомат по производству подшипников, за рубежом

— На фронт я шапком уша, после демобилизации только и ума, что из пушки стрелять, а серьезности никакой нет. Помню, пришла на завод, спрашивают меня: «Кем был на фронте?» «Наводчиком». «Ну, будешь наладчиком». А мне тогда все равно было, зато сейчас свою работу ни на что не променяю.

Дядя Николай Ивановича, кажется, нет уже тайн в родной профессии, он постиг ее сущность вроде бы до мельчайших подробностей, и мастерство стало частью его самого. Работа теперь не требует от него особых усилий, движения у него отточенные, доведенные до автоматизма, но естественные, как дыхание. Именно так он и работает, как дышит,— легко и свободно.

— Учился я, как и большинство моих сверстников, прямо в цехе, на своем рабочем месте. Потом повяло: мало этого,— записался на курсы повышения квалификации, а позднее даже на курсы контролеров ходил. Если хочешь давать высококачественную продукцию, надо знать требования, которые к ней предъявляют. Самые жесткие требования.

Эти «самые жесткие» он предъявляет и к себе, и не только в профессиональном смысле. Недаром же его неоднократно избирали в местный комитет цеха, в партийное бюро. Он и сейчас, уже пятый год подряд, возглавляет партийную группу на своем участке.

Три года назад партийная группа районно-заводского участка через многоглаголивую газету обратилась ко всем труженникам завода с призывом бороться за высококачественную продукцию

на каждом рабочем месте. Инициативу коммунистов подхватили тысячи рабочих, техников, инженеров. На заводе появились «пункты качества», во всех цехах регулярно проводится «дни качества», комсомольцы устроили свои «пункты качества»...

Выступая на XVII съезде комсомола, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил: «...все наши усилия не дадут желаемого результата, если мы серьезно не поднимем качество работы во всех звеньях нашего хозяйства на каждом рабочем месте».

На Первом подшипниковом хорошо понимают значение качества, понимают, что зависит оно не от усилий отдельных передовиков, а от тщательной работы всех участков, связанных между собой одной технологией.

На станках, которые обслуживает Пискарев, шайфуются бочкообразный ролик. Каждый ролик должен быть точно выдержан по гранности, радиусу, размерам и т. д. Каждый ролик проверяется по шести параметрам, а если в смену только Пискарев сдаст их до четырех тысяч!

Рядом со станками Николая Ивановича стоят токарные автоматы, они режут из стального прутка заготовку ролика. Если там что-нибудь случится, Пискарев может на ширинке брызг толярной устрицей, а его ошибку исправить никому: от него ролик идет прямо на сборку. Представьте, маленькая неточность в работе Пискарева — и пропадет труд многих и многих людей. Вот такого мера ответственности владальника, и помнит он об этом ежеминутно.

И не он один. По «Методу доверия» (какое прекрасное название у этого метода, к тому же и расшифровывать его не приходится) на заводе работают около 750 человек. По системе бездефектного изготовления продукции трудятся около семи тысяч рабочих. Мне кажется главной здесь именно система, само это слово свидетельствует о том, что на заводе шпнут именно системный подход к увеличению качества подшипников, и вовсе не случайно с начала пятилетки действует на заводе еще одна система — система внутривзаводской аттестации. Уже около шестистот изделий участков заводского знака качества, некоторые из них сейчас выдвинуты на соискание государственного Знака качества. Кстати, ни на одном предприятии не доводилось мне встречать сразу столько «именитых» изделий — 75 различных подшипников, созданных на ГПЗ-1, удостоенных высшего Знака качества.

В записной книжке партрутера Пискарева слово «качество» встречается на каждой странице. Оно является целью смотров технического творчества, причиной различных проверок, повесткой дня партийных, профсоюзных и комсомольских собраний.

На счету владальника Пискарева несколько рационализаторских предложений.

— Все это мелочи,— махнула он рукой, когда я попросил рассказать о них подробнее.

Предложения у него действительно не громкие и мизановые не обещают. Может быть, все вместе они и принесут экономический эффект тысяч в десять, но главное вовсе не в деньгах. Мне

Гюнтер КУНЕРТ

Петер ХАКС

Курт БАРЧ

Иоганнес БОБРОВСКИЙ

РАСИФОРМКА ТЕНЕЙ

В ЭПОХУ ЛЕССИНГА

СТЕПЬ

Для умеющего читать буквы, что вовсе не буквы: обобщенный кирилл под крышей, крепь, обугненная еще войной, блок вздыбленного Бетона

и тени рассвета с поправкой на тени заката в строчках домов, между которыми запись всех истин.

В эпоху Лессинга правил Прусский Ненки Фридрих. Метрерик был Политиком времен байронизма. При Мольтере весьма превозносили Леденкова, одного из 17-ти. Слово сельдей, Людовиков,

а Мольтер один. Кто поверит, будто подчиненный чиновника, Подчиненного сапожника Радца! Ойген Вюртембергский стал себя

почет преследования Шлелера и Шуберта. Елизавета Английская вряд ли скончалась

Девственницей, как сама себя. Не дошло и до нас благодаря лишь Некоторым сочинителям, тоже из Англии.

На пути Брехта сменялось 13 канцлеров.

КЛОУН

Вот клоуна рисует карандаш, стоит он грустно на одной ноге, а где нога другая, не находит.

Он плачь расстегивает и, наконец, из-под пальца вытаскивает ногу, и прочь бежит от нашего веселья.

Что-то пенно в сумерках. Вуюду тяжесть равнин, безлесье, в поросли низкой вспыхивает песок, темные тучи пылью, месяц не сподот с нивы. Облачина возне воды. Гонит его пастух с песней. Отклик пения в окне.

Как бы мне дальнее, деревни! Вдали в призыве видеть и небо venne тумачиу блеск. Детское пение слышу, голос пастухи, светлый взор пастуха, в стою один на проселке, ижилье позади.

Рисунки Владимира СУХУМОВА

бы хотелось показать, как рождался этот предложение, и в самом их факте увидать систему (опять система) рационализаторской работы на заводе.

На одном из профсоюзных собраний рабочие заговорили о простом шифровальном станке, о недостатках в их конструкции. Человек двадцать высказалось, говорили не только о недостатках, но и о возможности их исправления. Тогда же на собрании, избрав комиссии, в которую вошли заместитель начальника цеха, начальники смены, мастера, наладчики, станочники. На следующий день члены комиссии, собравшись на свое первое заседание, прежде всего внимательно прочитали стенограмму собрания, и оказалось, что только и дела у них — рассмотреть предложения рабочих, отобрать лучшие, суммировать.

Через два месяца у станков появились специальные приставки, и с тех пор нарекавший на работу шифровальных автоматов не поступает.

Вечный путь изобретателя — нашел, обдумал, предложил — по-прежнему остается главным, но на заводе научились планировать не только качество, но и творчество. Ежегодно проводятся заводские конференции новаторов производства. Цель конференций — отпасть на подведение итогов сделанного, а скорее определение кардинальных задач на ближайшее будущее.

Время от времени рабочие в цехах раздают анкеты: «Что бы вы хотели изменить в существующем производстве?», «В чем видите недостатки своего станка?», «Ваше предложение по улучшению организации труда?» и т. д. Последней такой опрос рабочих первого цеха мелких серий, где работает Пискарев, принес 343 предложения. Каждое из них внимательно рассмотрели и большинство приняты.

Рационализация для большинства наших рабочих и инженеров завода не хобби, а потребность, потребность изменить условия труда, увеличить производительность, добиться лучшего качества продукции.

Входят в цеха «теменики»? Это большие конторские тетради, куда рабочие постоянно записывают свои пожелания и замечания. Попробуйте переписать такую тетрадь, и окажется, что записи, исчисляющие ее страницы, — это список сущих мест производства, «расширяй» которые и представит заводским рационализаторам. Каждый из нас может выбрать в «теменике» себе дело по душе и по силам.

Рационализаторы, насколько я понимаю, тоже сорениуются между собой. И в этом соревновании главный показатель — сумма экономического эффекта, полученная от внедрения предложения. Тот, кто в своих поисках все внимание со-

средоточивает на повышении качества продукции, в таком соревновании, как правило, не выделается. Поэтому, мне кажется, в основном энергия и инициатива рационализаторов направлены на повышение качества материалов и сырья.

— В общем, это действительно так. Может быть, потому, что экономический эффект от улучшения качества продукции подсвечивать труднее, чем экономико-электротехнически на металл. Кто же эффект этот пронаблюдает чаще у потребителя, а не у изготовителя. И все же почти каждое рационализаторское предложение, пусть даже косвенно, влияет на качество заводской продукции. Кто у нас на заводе не знает Павла Аметьевича Богатырева. Он электрик и одновременно руководит творческой бригадой, в которую входят и конструкторы и технологи. А рационализатором Богатырев стал неожиданно даже для самого себя. Жена его работала контролером ОТК, возмущалась домом измотанная, уставшая. Еще бы, ей ежедневно приходилось внимательно рассмотреть и измерить около пяти тысяч роликов — больше, чем производит весь мир دنیا. Богатырев часто заходил к жене, присутствовал к работе других контролеров, и тогда-то у него и зародилась идея первого контрольного автомата. Рассказал о нем своим ученикам, электрикам Петру Шатунову и Алексею Федорову. Вместе они и разработали свой первый автомат, сидели по вечерам, изучали литературу, вырасывали эскиз за эскизом; спорили, потом одевали идею в металл, сами кройная сталь, варяли ее, красили, собирали хитроумную «машинку». Автомат заработал и принес электрикам известность. За первым последовал второй, третий... И каждый новый был сложнее предыдущего.

Сейчас у нас работает 258 сортировщиков и 97 контрольных автоматов. Они проверяют 95 процентов всех шариков и роликов и заменяют 2 500 контролеров. И большинство этих машин создано заводскими умельцами.

Автомат в отличие от человека никогда не устает и бракованный деталь никогда не пропускает. — А все же брак есть. Я сам видел бракованные колца на стелдах «Комсомольского проектора».

— Признаться, хорошая идея — бракованная деталь на стелде нагадике сатирической газеты и бьет бракодела сильнее самодельных «громовых» стихов. А брак, как и бракодела, еще, конечно, встречается.

Рабочий изготовил деталь, а контролер заметил в ней дефект и возвратил ее рабочему на переделку, если переделка еще возможна. У нас такой возврат называют «визником», может быть, потому, что в графике по бездефектному изготов-

лению продукции возврат детали отмечается синим цветом. «Синий» эти весьма болезненны: они боят рабочего по совести и по карману. Только за бездефектную работу у нас premia до тридцати рублей, а если работник, кому их хочется терять! Вот и стараются работать. Правда, на одном желании далеко не уедешь. Нужны еще и знания. Потому тысячи наших рабочих постоянно повышают свою квалификация. Систему подготок кадров у нас налажена вроде бы неплохо, но крайней мере ее копируют и на других заводах.

— Насколько я знаю, контролер — один из самых распространенных профессий на нашем заводе. Контролеров много, и все же в каждом цехе, почти на всех участках, у вас созданы общественные «посты качества». Не дублируют ли они работу ОТК?

— В какой степени да: контролы есть контроль. Но и различие есть. Работник ОТК делает выборочный контроль и, если он замечает брак, отмечает его в своем журнале, сообщает о нем мастеру или начальнику участка. А если на ту деталь брака нет, работник ОТК не вмешивается. «Комсомольского проектора», в составе которой обязательно есть технологи, то общественные контролеры, обнаружив брак, расписки виновного особенно не бьют, а стараются вскрыть причины брака, устранять их. Задача «постов качества» не быть, а учить их методы, простите за медицинское сравнение, не хирургическое вмешательство, а профилактика. На базе этих постов зачастую создаются и творческие бригады рационализаторов для решения той или иной проблемы. Так, например, молодые рационализаторы в рядкомобильном цехе веревкам ставки на жесткие овалы. Это сказать легко «веревкала», а на пути дела их создание вовсе не станков для шифровки колец, который обеспечивает надежность и качество. Один из создателей этого станка, молодой конструктор Анатолий Кириллов, сейчас заместитель секретаря заводского комитета комсомола.

Общественные «посты качества» ведут у нас громадную работу.

— Но в таком важном, поистине государственном деле, как качество продукции, нельзя полностью полагаться только на общественные силы. — Согласен, полностью переключать такую работу на плечи общественности нельзя, но нельзя и недооценивать силы этих постов. Ее реально участвует в них главный «пост качества».

— Что это за штат? — Так у нас называют иногда бюро координации работ по повышению качества продукции. Служба эта новая, переведен в нашей отрасли. Как

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 19 (1137)

ОКТАБРЬ
1974

Хайиц КАЛАУ

ЭРМИТАЖ

Среди всех этих разных лиц,
написанных старинными мастерами,
не найдешь ни одного,
не встретившегося в моей жизни.
Так юн еще наш мир,
и так велики были
старинные мастера.

Перевел с немецкого
Вечеслав КУПРИЯНОВ

и положено настоящему боевому штабу, Бюро планирует наступательные действия на всех направлениях, вырабатывает долгосрочную стратегию и тактику действия, координирует усилия всех заводских служб, цехов и отделов, планирует качество.

— Но планировать можно только тогда, когда имеешь объективную картину работы цехов, записи, когда в какое оборудование заманят более совершенным, как изменится технология производства того или иного изделия... Сложное это дело — планировать качество.

— Было бы легко — и штаб не понадобился бы. А Бюро действительно, прежде чем планировать, проводит тщательный анализ уровня качества и в каждом цехе, изучает возможности, учитывает предстоящие изменения и уже на этой, как и поныне, научной основе составляет план — задание цеху.

В общем, тут все на математике держится, а я, признаться, в ней не силен. Но твердо знаю, что повышение качества — проблема не только экономическая, но и социальная, качество продукции зависит от оборудования, от контрольно-измерительных приборов и инструментов, от квалификации и снабжения, но главным образом — от людей, от их отношения к своей работе.

В конечном счете качество изделия зависит от добросовестности, ответственности, товарищества.

— Воспитать в себе высокоответственное отношение к делу не просто. Особенно если работа, как у шлифовщика, весьма монотонная, повторяющаяся из смены в смену.

— И правда, порой легче сделать сложную деталь, чем изо дня в день контролировать изготовление похожих друг на друга роликов. Но надо видеть смысл в любой работе, которую ты делаешь, и даже не самую интересную выполнять точно и не чётко, поймав в полной мере свою ответственность перед всем современным производством.

Словно кто-то вдруг рубильник выключил — замолкают станки, и падает на плечи тишина, пролившая желомом, настоянная на звуках и запахах, неожиданная, она пригнет к земле. Пискарева садится на колени стула, раскрывает тетрадь, вписывает туда очередные строчки, подводит итоги. Получается вроде неплохо: почти метры тысящи роликов при норме 2 050. Он долго сидит над тетрадью, шевелит губами, пытается высчитать процент выработки. И хотя эти проценты завтра появятся на доске показателей — самом точном барометре цеховой жизни, ему хочется вложить эту цифру уже сегодня, сейчас. Потому так, что бы там ни говорили о скромности Пискарева, а хочется ему все же быть первым. Вплоть законное желание, человеческое.

НАША ОБЛОЖКА:
ЗДЕСЬ ОТДЫХАЮТ
«ИКАРУСЫ»

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ФОТОСЧЕРК
«ЗАПАС ПРОЧНОСТИ»
НА СТР. 12—15

4

ЛОГИКА ЕГО ЖИЗНИ.
К 25-летию ГДР.

16

МУЗЕЙ ПРИРОДЫ.
Репортаж из Костромы.

18

КРУГОЗОР
СОВРЕМЕННОГО.
Беседа
с народным артистом
СССР В. В. МЕРКУРЕВЫМ.

24

СИЛУЭТЫ:
Михаил Васильевич
ЛОМОНОСОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПУТЬ В КОРИФЕЙ,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ
ИЗ ЖИЗНИ ТОКАЯ
ВЛАДИМИРА СКОЛЬНОВА

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЬ»:
НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
ВОЗДУШНЫЕ ИЗВОЗЧИКИ

МОСКВА ПРИГЛАШАЕТ ОЛИМПИАДУ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Купешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцин [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчинюк, Г. В. Семенов, А. П. Серета, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Э. В. Подколзина

К 25-летию со дня провозглашения ГДР

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
норр. ТАСС в ГДР —
специально для «Смены»;
фото агента «Центральвид» (ГДР)

ВСТРЕЧА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК СЕПГ
ЭРНА ХОНЕККЕРА В КЛУБЕ СОВЕТСКОЙ
ДЕЛЕГАЦИИ НА ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ
МОЛОДЕЖИ В БЕРЛИНЕ. СПРАВА — ВОЛЬФ-
ГАНГ ШМИДТ.

Отец не потерял свое лицо во время фашизма. Он был участником рабочего движения в 1908 году, и нацистам не удалось сломить его коммунистических убеждений...»

«22 апреля 1945 года была чудесная погода, — мой самый веселый воспоминание в подавляющем большинстве случаев происходила в маленьком доме в берлинском районе Мальдифорд, потому что сильно стреляла артиллерия. К вечеру стало потише, и мы вышли на улицу. Будут посылаться штыки по асфальту. Папин брат выскочил из-за угла и увидел красноречиво. Тот насторожился и поднял авиалайнер, а мой дядя так испугался, что чуть не свалился с лестницы. А советский солдат рассмеялся, пошел нам, сказал что-то непонятное и пошел дальше. И тогда мы поняли, что война кончается...»

«В декабре 1945 года я стал студентом Берлинского университета, но первые лекции услышал только весной следующего года: до того времени надо было разбирать развалины университета и строить его заново. Мы, студенты, работали на этой стройке и одновременно создавали свою самостоятельную молодежную организацию — ССМН...»

«Когда я сказал отцу, что мне предложили поехать в СССР для занятий в аспирантуре, он ответил, что это событие определит всю мою жизнь. Так и произошло...»

Слушая Вольфганга Шмидта, я все время ловил себя на мысли о том, что жизнь этого человека пронизывает удивительно ясная логика. Дело не в том, что он математик по профессии. Логика абстрактного мышления далеко не всегда подразумевает логику чувств и поступков, смилити и антилит, логику жизненного пути. Здесь же все именно так.

И потому с первых минут нашей в общем-то совершенно случайной встречи с Вольфгангом Шмидтом я понял, что история этого человека по-настоящему символична для гражданина социалистической Германии, предвещающей в седьмой день октября нынешнего года свое славное 25-летие.

Доцент Высшей экономической школы в Берлине Вольфганг Шмидт на 21 год старше своей рабоче-крестьянской республики. Я с полным основанием пишу: «новый республиканец» — ибо даже в мальчишеские годы, когда вокруг него гремели берабанские речи и барабанный бой нацизма, он думал о справедливости и мире на своей родине, ибо его руки, сердце и разум были отданы

НЕФТЕХИМИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ В ШВЕДЦИИ — ОДНО ИЗ
КРУПНЕЙШИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕС-
ПУБЛИКИ.

ЛЮДИ

строительству новой Германии, как только Советская армия повернула фаланги.

В ГДР таких людей называют активистами первого часа». До сих пор Вольфганг Шмидт бережно хранит биат члена Национального комитета «Свободная Германия», датированный апрелем 45-го. В ноябре того же года он вступил в ряды КПГ, а через два месяца — в создававшийся тогда Союз свободной немецкой молодежи.

Мне не пришлось спрашивать о том, откуда была у него эта непереносимость и уверенность, почему в жизни подростка из рабочего квартала Берлина был этот стальной стержень. Вольфганг сам мне сказал об этом уже во второй или третьей фразе.

ОТЕЦ И СЫН

«Характерно для моего папы, что он все время воспитывал меня против фашизма, против войны, за мир во всем мире. Когда я был маленьким, я хотел всегда играть в солдата. Но папа этого всегда не хотел. Он ускакивал меня на колени и раскрывал книгу, показывая картинку из книги Ремарка «На Западном фронте без перемен». Я до сих пор вижу одну такую картинку. Где солдат несет своего тяжело раненого товарища с фронта. И у меня никогда не было никакого желания воевать за какую-нибудь фашистскую или милитаристскую систему...»

Надо представить себе то странно тяжелое время в Германии и мысли Бруно Шмидта, обожившего на большом берлинском заводе, коммуниста с многолетним стажем. Его партия устали Эрнста Тельмана говорила немецкому народу суровую правду: «Итлер — это война! Его партия мушкетерски сражалась против наглой и набравшей силу коричневой чумы, теряя лучших товарищей в сражениях не только с фашистами, но и с полицией Веймарской республики, которая всегда в таких случаях преследовала «за беспорядок» лишь коммунистов.

И надо представить себе гнев и отчаяние Бруно Шмидта и его товарищей, вернувшихся домой с раненого избирательного участка в 1933 году, когда уже Гитлер был провозглашен канцлером и в стране в последний раз разыгрывалась комедия так называемых «свободных» выборов. Из 500 избирателей на том участке лишь 20 решились зачеркнуть в бюллетенях фамилии нацистских кандидатов: страх перед «варфоломеевскими

ночами фашизма, начиная веры в побуды Гитлера дать каждому достойную работу делали свое дело.

И надо, наконец, представить себе мужество таких немецких коммунистов, как Бруно Шмидт, которые не только продолжали тайно проводить партийные собрания и платить партийные взносы, но только собирали силы для подпольного антифашистского Сопротивления, но и в открытую со склочными головами период бушевавшей в Германии нацистской истерии. Например, Бруно Шмидт натерев отказался завести у себя в доме фашистский флаг, положенный к вывешиванию во время всеобщих «торжеств». Когда в дом явились представители «новой власти», хозяин отвечал, что, во-первых, у него нет денег на покупку такого флага, и, во-вторых, он был ранен в первую мировую войну и, таким образом, «достаточно пострадал рождением (Такая долгая и ему вначале очень помогала...» — улыбается Вольфганг). В 1938 году, когда подобное поведение уже грозило концлагерем, Бруно Шмидт демонстративно купил за 40 френков флажок размером с листок из блокнота, прибил его к плакатерной планке и издевательски водружал над домом этот «стыжок, когда требовалось. Районный фашистский начальник скрипел зубами, но ничего поделать не мог. Формально все было выполнено...»

Позднее, в 1942 году, отцу, работавшему ватером в больнице и считавшемуся на этом основании членом нацистской партии. Пришлось слышать, что устраивается в другую больницу, где подобная кампания уже прошла, и про Бруно Шмидта забыли.

А тем временем в поле зрения фашистских властей оказался и Шмидт-младший. В 1942 году в Германии была объявлена тотальная мобилизация. В Берлине были закрыты все средние школы, а класс Вольфганга полностью перевели в небольшой город в Польше, которая тогда считалась в гитлеровском режисе «генерал-губернаторством». Практически это означало потерю в армейский мобилизационный лагерь лишь в противовоздушной оборону.

И опять все спасли решительные действия Бруно Шмидта. Сославшись на свое ранение, полученное в первой мировой войне, он категорически отказался отпустить сына из дома.

«Вот видишь, — продолжает Вольфганг, — в годы нацизма папа не был мотивирован особо внешнею политическую пассивность тем самым ранением.

УТРОМ НА АЛЕКСАНДРПЛАЦЕ—ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ БЕРЛИНА.

А между тем он очень гордится, что в первую мировую войну, находки герmano-русского фронта, он не сделал ни одного выстрела по врагу... Мы в семье хранили и сегодня деревянные ложки, вилку и нож, вырезанные русскими солдатами и подаренные им поле на Восточном фронте в 1917 году во время братания.

Ну, а если говорить обо мне, то в 1942 году я оказался в школе мстечка Хопегартен под Берлином. Нам собралось там 25 учеников со всего города, причем все это были ребята, которые так или иначе уклонились от военной службы. Помню роман «Приключения Вернера Хольцэт» Это кинеша про нас...

Не будет преувеличением сказать, что таких школьных классов немного было в фашистской Германии. В 1944 году на уроке истории XIX века эти 25 отчаянных мальчишек потребовали у преподавательницы беседы о «Коммунистическом манифесте Маркса и Энгельса. Повторю, шел 1944 год. Летом было неудачное покушение на Гитлера, а фюрер в лютую злобу и потюмок страсти приказал «вешать и четвертовать всех заговорщиков, как скота, называя на военные чины и аристократические титулы. А в школе Хопегартена один из учеников принес в класс «Коммунистический манифест» и начал читать из него целые страницы перед бледной учительницей.

Никто из этого класса так и не пошел служить в вермахт, «меня всего-таки вывели на военноминистерскую комиссию и предложили сделать электрокардиограмму, чтобы убедиться в моем здоровье», — рассказывает Вольфганг. — Я решил рискнуть и заявил врачу: «А не лучше ли не сделать после войны? Он посмотрел на меня ошумело и гавкнул: «Вон!» После этого меня там не видели. Как не видели и в вермахте, куда меня все-таки принесли осенью 1944 года и оттуда я спустя три дня сбегал на свободу.

Пришлось скрываться до апреля, когда пришло освобождение. О своей первой встрече с советским человеком Вольфганг уже рассказывал. Потом были другие встречи, запомнившиеся на всю жизнь.

Те дни в Германии не только больше полотноца вышивали на окнах. В маленьком шахтерском городке Гербштедт, одном из центров Мансфельдского горнодобывающего района, на встречу нам своим войском вышел с красным знаменем коммунисты Отто и Минна Брозовски и их товарищи. Этот флаг от имени парторганизации КП(б)У шахты «Дзержинская» на Кривооржье подарила еще

в 1929 году членом ячейки Компартии Германии на шахте «Виттумп» в Гербштедте делегация советских рабочих. Все долую noch фашизма хранили немецкие коммунисты это драгоценное знамя от гестаповских ищущих.

Антифашистское подполье сберегло немало таких знамен пролетарской солидарности. А когда Красная Армия вступила в город Эслибене в том же Мансфельдском районе, на центральной площади ее встретил Леня Бронзовский, фигура вождя словно шагнула с пьедестала навстречу нашим солдатам, и рассказывал, что один молодой солдат с изумлением воскликнул: «Лидер! Ильич раньше нас сюда пошел!» Этот памятник, вывезенный нацистами из города Пушиня под Ленинградом и преданно зачатый на переплавку, два года спалили, дискусу собственной жизни, немецкие коммунисты и советские люди, угнанные в фашистскую неволю.

Я не знаю, чем встречали красноармейцев в семье Бруно Шмидта. Но у Вольфганга и по сей день хранится листок бумаги, на котором порусски написано: «Здесь были красноармейцы. Их очень хорошо приняли. Просим оказывать этой семье всеческое содействие».

«Это были старший лейтенант и три солдата», — рассказывает Вольфганг. — Все четверо — украинцы. А так как лапа родилась в Познани и знал польский язык, то они быстро договорились друг с другом. Славу честно, у нас тогда отлетело от сердца. Конечно, в нашей семье, семье старого коммуниста, твердо знали, что Советская Армия несет Германии освобождение. Но нам было хорошо известно и то, сколько горя и страданий принесли немецкие фашисты другим народам, в первую очередь советским людям. И потому даже мы, ждвшие освобождения, были потрясены тем, что красноармейцы щедро кормили из своих походных котлов женщин, детей, стариков, так что сразу же после боя они принялись за снежение немецкого населения продовольствием и медикаментами.

«АКТИВИСТ ПЕРВОГО ЧАСА»

9 мая закончилась развалившаяся фашизмская война, продолжавшаяся больше 2 тысяч дней, каждый из которых обходился немецкому народу в 3 тысячи человеческих жизней. Германия была разгромлена. Только в советской зоне оккупации, где отступившие гитлеровцы оказывали отчаянное

сопротивление, оставаясь после себя мертвое пространство, было уничтожено две трети всего железнодорожного транспорта и 30 процентов сельскохозяйственной техники, разрушена половина жилого фонда в крупных городах, взорвана почти тысяча мостов. Производство самого необходимого — хлеба, угля, электричества, молока — являлось практически нулю.

И потому левая партия советской военной администрации в Германии, подписанная Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, командантом Берлина генерал-полковником И. Э. Берзиным и другими людьми, возглавлявшими комиссию, именно об этом — о хлебе для рабочих, об угле для заводов, об электричестве для жилищ, о молоке для детей. «Теперь, когда Красная Армия совместно с войсками своих союзников уничтожила нацистскую Германию, немцы должны доказать всему миру, что Гитлер — это не Германия, что нацистская банда — это не немецкий народ. Красная Армия рассчитывает на поддержку немецкого народа в проведении всех мероприятий, отвечающих интересам самого немецкого народа, интересам его настоящего и будущего», — писала в своем первом номере от 15 мая 1945 года «Латгалландшафт», фронтальная газета Красной Армии для немецкого населения.

В ответ на этот призыв тысячи честных немецких начали тяжелую и необходимую работу — расчищали города от развалин и уны от фашистского мракобесия. В первых рядах были коммунисты, вышедшие из подполья, едва успевшие сминуть потаскующую коммюнистическую одежду, вернувшись издалека из дивизий замещения. И сразу КПГ обратилась к немецкому народу с известным призывом, под которым стояли подписи Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Франца Давида, Йозефа Базлера, Герхарда Шнейдерера, Эдмунда Кемени и других известных руководителей рабочего движения. Коммунисты призывали трудящихся сделать выводы из истории и найти в себе силы вступить на новый путь, они прямо говорили, что единственной выходом из национальной катастрофы — это честный труд во имя новой, миролюбивой и демократической Германии.

«Починить с расколом трудового народа! Починить с союзом немцев и нацистов и реакцией! Починить навсегда с клеветой и враждебностью по отношению к Советскому Союзу, но там, где возникает эта клевета, поднимает голову империализм, фюреризм!» — заявила в своем обращении компартия.

Мы говорим с Вольфгангом о те времена, сидя в большой комнате его уютного дома, за окном тихая сырость, за деревьями и кустами фруктового сада и гужане четырехмесячного внука Александра, 46-летний Вольфганг Шмидт рассказывает о 17-летнем Вольфганге Шмидте, и пытается передать нам жестко сложившееся чувство с улыбкой в глазах и седыми в голове кудрях, острого мальчишью, разгребавшего киркой развалины, строящего университет и до этого прыгавшего агитировать стартерами в берлинском районе Мандсфорт, издавая сине рубашку с эмблемой восходящего солнца на рукаве — форму Союза свободной немецкой молодежи.

«В Мандсфурте нас было тринадцать организаторов ССМ, Парламентской группы, Социально-демократические и церковные организации молодежи. Часто у нас ни минуты проходили дискуссии, причем, часто говоря, но всегда только словесно».

Местный священник просто-напросто заявил нам однажды, что не желает видеть «синеблузники» в церкви, ни на собраниях верующей молодежи: очевидно, опасаясь за сохранность своей паствы.

Главный наш аргумент в споре с молодыми церковниками и членами социал-демократической организации «Фалькен» («Соколы») был таков: сейчас не время впадать в идеинные разногласия, надо, засучив рукава, сообща восстанавливать разрушенную родину. И очень многие откликлись на наш призыв, хотя, конечно, твердолобые были тоже немало.

В апреле 1946 года, как известно, состоялся съезд восточной зоны КПГ и СДПГ, на котором было образовано Социалистическая единая партия Германии. Объединение двух партий рабочего класса в тогдашней советской зоне было скреплено историческим решением Вильгельма Пика и Отто Гротевольд. И мы, молодые коммунисты, члены ССММ, убеждая «соколов» в необходимости такого же единства для антифашистского движения молодежи, «соколов» и «соколов» не достигших под влиянием правой социал-демократии в западных секторах Берлина, упорно твердали: «С коммунистами нам не по пути!» Гротевольд и Пик, конечно, не знали и не знали их...

Судьба десятого «Б»

Станислав СЕРГЕЕВ

Мы встретились с десятиклассниками 524-й московской школы в последние дни школьных занятий. А потом были выпускные экзамены и школьный бал, когда нарядные девочки плясали мелкими вальсе, как белые платочки при расставании. Прощай, школа.

...Спустился кто-то стрелиться вновь. Ребята еще раз обратили на вопросы корреспондента. Немало событий произошло в жизни каждого. Много неясного в будущем. Но сделан первый выбор, первый самостоятельный шаг...

ЭКЗАМЕНЫ ПОСЛЕ ЭКЗАМЕНОВ

В школе было восемь экзаменов по аттестату. В течение трех напряженных недель десятиклассники лавировали — с большим или меньшим успехом — между химическими формулами и спринжками английских гагаолов, историческими событиями XIX века и физическими законами. С последней геометрической теоремой они доказали свое право на выход из света. На выпускном вечере каждый из них получил аттестат — своеобразный пропуск в таинственное будущее. Само судило себя держали в собственных руках — теперь нужно было разумно распорядиться ею.

Еще в школе ребята بودند уверенно и единодушно (30 человек из 32) определили следующий жизненный этап институт. В том изломном порочестве (или меланлии) отразились различные обстоятельства.

«Возможности». С января 1973 года десятиклассники читали на школьном стенде многочисленные объявления о приеме в институты, техникумы, профессионально-технические училища. Те же призы они видели на плакатах рекламных тумб и страниц газет, слышали по радио и телевидению. Им обещали уже через год-два профессии топографов и плотников, телефонисток и монтажников связи, продавцов и гранильщиков алмазов. Это не было сезоновым рекламным бумом, повествованием, откликом на кампанию. Это было последним, завершающим этапом длительной школьной работы, в результате которой школу закончил вал человек, уже умевший делать что-то и как-то. «Заготовка» будущего специалиста, которую предостало отшлифовать. Да, государство предостало, а не государство. Оно не было и не грешно было этим не воспользоваться. Так думали ребята. Но так же думало и государство, ибо оно, могущественное и растущее, испытывает в молодых специалистах постоянное...

«Потребности». Пыне в каждой отрасли знания, на каждом участке производства нужны люди ученые, сведущие. Опыт можно накопить, силу — накачать. Знания нужно получить, завоевать. Сегодня на советском заводе дипломированный рабочий — явление столь же частое, столь и необходимое. Даже в сельском хозяйстве на смену дояркам приходят мастера машинного доения — дело здесь отнюдь не в цене «вышивки», но в качестве изменения профессии. Так что ребята действительно знают — в смысле для них не закончено. Кроме того, думая об институте, они исподволь испытывают...

«Чувство семейного достоинства». Так это было в советском образовании. Оно не дифференцировалось в оном из откатов, а подраусформировалось в оном: «Мои родители пережили войну и лишения. Они даже не смогли толком доучиться. Я хочу восполнить этот пробел и получить высшее образование». Наконец...

«Престижный момент». Что же и — тоже друг? Все в институт, а я — а кусты! Может быть, он (она) и впрямь подготовлен в вузы слабые другие — уровень знаний у ребят, конечно же, разный. Но надо ли откладывать молодость в минутную безарсудности? Обождается — научится. Если бы молодость уехала!... Это сказано юным человеком.

Документ об окончании средней школы, может быть, еще не счесть четко определенными самостоятельности в юной душе, но черту детства, уходящему в прошлое, подводит отчетливо. Казалось бы, малозначительный факт: 30 человек из 10 «Б» собирались поступать в институт, а по данным документа лишь 24. А что же эти шестеро — испугались? Отнюдь. «Мне хотелось год поработать, узнать, что такое самостоятельная жизнь... Не поступал потому, что хромало по спецпред-

мату. Подтянусь — тогда смело в бой!» (спецпредмет — рисование: человек твердо решил стать художником-полиграфистом). Не бросая тени на остальных, скажу, что шестеро эти отнюдь проявили недетскую зрелость и здравомыслие.

Но вернемся к этим «остальным». Их большинство. Они, только что сдав школьные экзамены, бросились в новую жизнь, превратившись из десятиклассников в абитуриентов. Половина класса оказалась последовательна в своих школьных настроениях: куда хотели, туда и поступали. Другой вопрос — поступили ли?

Из 24 поступающих один был принят в профессионально-техническое училище (туда десятиклассникам не нужно сдавать экзаменов) и вскоре получил профессию монтажника радиоаппаратуры. 10 человек сдали вступительные экзамены и принимали участие в конкурсе оценок и аттестатов. Конкурс есть конкурс: кто-то в нем победил, кто-то уступил сильнейшим. В Москве около 80 высших учебных заведений, набор в них растет из года в год. Однако предложение в данном случае не может и не должно удовлетворить спрос. Уверенные знания (в пределах школьной программы) и только они — единственный пропуск в науку. Конечно, бывает, что абитуриент при поступлении в вуз помогает везение, счастливые случаи — как правило, они встречаются среди лучших, но не зрядумном среди хороших. Короче говоря, вуз, набирая учащихся, вырабатывает иммунитет к посредственности (в образовании, в способности), просящая поступающих через себя к высшему.

Конкурс прошли пятеро: один поступил в Московское высшее техническое училище имени Баумана, двое — в стоматологический институт, двое — в военное училище. Интересна роль школы в судьбе одного из будущих руководителей менеджеров. Он сдавал экзамены в Вильнюсе, не прошел по конкурсу, вернулся в Москву, поступил на работу, а в это время школа послала его в штаб Главного командующего войсками противовоздушной обороны страны (Училище — в этой системе). Вышедший школьник был принят в Красноярское училище ПВО.

13 человек экзамены не сдали. У девушки, поступающей в педагогический институт, дрогнули нервы, и после посредственной оценки на одном из экзаменов она сама забрала документы. Юноша, сдававший в технический вуз, опоздал на экзамен — проспал: не знаю, как со знаниями, но с нервной системой так. Как раз все в порядке. Не попал на дневные отделения институты, ребята могли попытаться счастья на вечерних отделениях. Трое так и сделали — двое из них поступили и теперь одновременно работают и учатся.

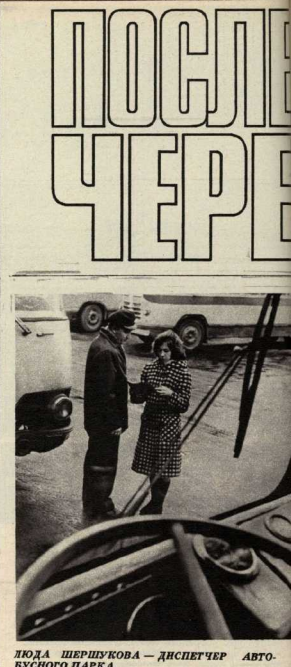
Неудача — всегда неудача. В чем причина? Нам интересно одно: провалили на экзаменах — следствие повышенной требовательности приемных комиссий вузов или недосмотра школы, недостаточной подготовившей кандидатов в институты? Спросил об этом самих ребят и получил ответы откровенные, почти однозначные: «Претензии только к себе». «Много лето и мало жаления». «Причина одна — недостаточно серьезное отношение к учебе в школе». А вот совсем обзоруживающий ответ: «Провали на экзаменах — это скорее удача. Поступал не туда, куда хотел. Хороший урок на будущее...»

И все же это бодрящая правда. Разумеется, оценка ограничена неудачей. Но никто из них не считает прошедшее крушением надежд. Конечно, пришлось пережить неприятные моменты объяснения с родителями. И вроде как-то неловко смотреть в глаза друг другу (а они по-прежнему вместе в одном из школьных вузов). Но ребята знают, что могут поступать в вуз каждой год практически до 35 лет. Кто-то так и написал: «Вуз поступать, пока не поступлю...»

Так что трагедии не произошло, и теперь бывший 10 «Б», за исключением шести счастливых, решил другую проблему — устройство на работу.

ПРОФЕССИЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ!

Здесь нам опять придется вернуться в школу. Готов ли она ребят специально к институту? Да и нет. Да — в том смысле, что в каждом своем воспитаннике школа хочет видеть личность общественно полезную, образованную, честную. Нет — в том же смысле, ибо в любой жизненной ситуации и условиях (а не только в институте) человек должен оставаться человеком в совокупности всех перечисленных качеств. Никто не дает

ЛЮДА ШЕРШУКОВА — ДИСПЕЧЕР АВТОБУСНОГО ПАРКА.

ИРА ТАЛАТУЕВА И НАТАША СОЛОВЬЕВА — СТУДЕНКИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

ЭТО ВОЛН

САША АСТАХОВ — ПЕЧАТНИК ТИПОГРАФИИ КОМБИНАТА «ИЗВЕСТИЯ».

ИГОРЬ КРЫЛОВ, КУРСАНТ ВОЕННОГО УЧИЛИЩА, ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ.

школе указаний «свыше»: столько-то выпускников — в институт, на работу. Эти «разрядники» устанавливают жизнь. Далеко не каждому молодому человеку удастся найти себе сразу. Но каждый в поисках своего места проломит через труд. Больше того, многолетняя практика показывает: основная масса выпускников остается на производстве. Многие из них впоследствии заканчивают вечерние и заочные отделения институтов, но завод, фабрику, техникум, лабораторию оставляют за собой родным домом. Школа учитывает все это и соответственно строит свои программы.

На уроках труда в 524-й школе девушки освоили премудрости шитья на швейной машине, а юноши постигли слесарное и токарное дело, они учились на заводе и предприятия, возили в подмосковные совхозы — не как экскурсантов, а на производственную практику. 524-я не специализируется на подготовке выпускников с какой-то определенной профессией, в отличие от некоторых московских школ с ярко выраженной профессиональной ориентацией (например, с математическим уклоном). Но она широко ориентирована в том смысле, что дает надежную гарантию: «Наши ученик не безработца, с нами, которые им уже признали, его легко обучить любой профессией».

Работа, устроясь на работу, убедились в этом сами. Им не пришлось метаться, искать, слышать отказы. Их признали охотно, видя, что они способны. По существующему положению, там, где это необходимо, их брали учениками, знав, что скоро они получат рабочий разряд.

Как же все-таки поступали на работу? Выпускники московской школы (и тридцать три студента учатся в ПТУ и двум курсантам нужно прибавить двух солдат — они уже достигли призывного возраста и служат в рядах Советской Армии!) По объявлению о работе, по совету родителей, по рекомендации школьного учителя, труда, из чувства солидарности с подругой, по примеру родной тети (есть и такой ответ). Пути разные, а результат один: все работают, все довольны.

Девять человек работают на производстве: предприятия — электромонтажник, сборщик радиоаппаратуры, контролер... Столько же — в научно-исследовательских институтах, в основном лабораториями и чертежниками. Временно (думая, что так) несостоявшийся педагог устроился в Библиотеку имени Ленина. Будущий полиграфист — печатник в типографии газеты «Известия». А еще инспектор Верховного суда СССР, музыкальный работник в детском саду, оператор вычислительного центра Центральной телефонной станции... Вот так разнообразие.

Однако так ли окончательна их выбор? И здесь не все одинаково. Тот парнишка, что служит в армии, успел до призыва закончить шоферские курсы. Фразой из его ответов: «Можу быть шофером. Менять профессию не буду». Категорично, не оставляет сомнений в твердости принятого решения. Но вот совсем другое настроение: «Может быть, я лучшею, что я не прошла в институт, хорошего педагога из меня все равно не вышло бы. Сейчас работаю лаборантом. Но не буду же я всю жизнь лаборантом! Собираюсь поступать в институт радиозлектроники. Занимаюсь на подготовительных курсах». Здесь судьба уже сделала шаг. Правда, заметить, насколько серьезная стадия, пододол по второй попытке. Ну что ж, девушка может задумываться и выбирать: это право ей гарантировано всем уставом нашей жизни.

У юной девушки положение несколько иное. Работает, все, кроме того, что поступил в нашу школу учиться и получил отсрочку, ждет службу в рядах Советской Армии. Они видят в этом свой гражданский долг, готовы исполнить его. «Я всегда считал, что в армии должен быть твердый, дружный коллектив — и не ошибся», — пишет один из них, кто уже служит. Военную службу ребята воспринимают как хорошую жизненную школу, которая, сдвинув их личные планы на два года, поможет тем не менее впоследствии твердо определить в жизни.

ЦЕНА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Новые представления и понятия, новые человеческие отношения атроглись в будни вчерашних школьников. Сами они новичками вошли в незнанные коллективы. Как прошла психологическая адаптация? Как их приняли? Ведь могли, как бы не заметили или не подумав, отпугнуть, отбить охоту, вкус к труду. Опасения напрасны — этого не произошло. Напротив: «Встретили очень тепло и весело, как встречают новичков в классе. У нас в отделе восемь человек, девочек лет по 17—20, не старше. Все мои новые друзья», «Меня окружают рабочие люди, которые всегда

помогут, не бросят в беде. Я верю в них, хотя знаю без года неделю. Отличные парни!»

В этих оценках я вижу и обратную связь: значит, и сами ребята вписались в коллективы, одобрены ими. Это начальное состояние крайне важно, потому что от него зависит отношение «наемщика» к труду — как к творчеству или как к тяжелой необходимости. Их впечатления от работы восторженные. Если бы не раскосты выражения, я назвал бы это «любовью с первого взгляда». Бессорнично — это конечно, лишь уже пробудается профессиональная гордость.

Библиотекарь: «Ложась спать, думаю: «Быстрее бы утро, быстрее бы на работу». Когда я нахожусь читателем нужную газету и он мне говорит: «Большое спасибо за газету, которую вы принесли, тепло на душе, я готова принести мне целый газетный зал». Печатник: «Приятно сознавать, что выпускаешь журналы, которые популярны у читателей». Недавно купил «Иностранную литературу» и поймав себя на тщеславной мысли: «Ведь в этой книжке есть и мой труд». А, собственно, почему «тщеславной»? Курсант из Костромы: «На всю жизнь запомню военную присягу — салют, торжественный марш по строевому плацу и общую похвалу веру свою выше училища».

Юноши и девушки впервые почувствовали себя самостоятельными. Конечно, еще не полностью «муштуют» себя взрослым человеком под недрезающими сном родителей, да еще они ощущают самостоятельность: «серьез. Потом девушка проанализировала деталь — ребята принесли домой «своя» деньги: студенты — стипендия, рабочие и служащие — заработную плату. В отношении к родителям — «Почему вы не даете денег? Почему, тоже отразилась их внутренняя культура, воспитанная школой и родителями. «Всю зарплату буду отдавать матери. Она управляет семейным бюджетом. Помогать ей — моя святая обязанность». «Мне не хочется получать деньги целиком истратил на подарки домашним». «Деньги будут поступать в семейный фонд, но частично будут оставаться у меня, чтобы по мелочам не обращаться к родителям».

Вчерашние ученики никак не привыкли к «неопытной» самостоятельности. Заветное, желаемое, когда его достигли, стало чуть ли не обидой. «Мое нынешнее положение далеко мне ощущение несвободы. Оно и понятно: у тех, кто работает, стало много свободного времени. Мне надо готовить уроки, штурновать горы учебной литературы (правда, студентки-медички целыми днями зурьят «эту проклятую анатомию»). Образовалась пустота от свободы — чем заполнить ее? Наиболее расхожее решение: «Теперь свободное время я не трачу, а провожу». Они стали больше и разрозненно читать, чаще ходить в театр. Много занимаются спортом, музыкой. Постепенно забыли танцы и веселые компании, тем более что их количество заметно расширилось, а это сулит новые впечатления и даже жизненные переломы».

Вот и все, пожалуй. И, как написала одна из девушек, «больше я своей жизни ничего не проработала, кроме того, что я стала на год старше».

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБИ

Пусть эта глава станет эпиграфом к нашим встречам с бывшим 10 «Б». Последним вопросом анкеты — «не жалев ли ты, что школа осталась позади?» — специально решил ответить их мысленно к ту школе. Раскосты шло, а когда это ребята провало. «Мне все кажется, что это проклятые затанувшиеся канючки, и я снова еду за парту и, затая дыхание, буду следить, как учитель скользя взглядом по журналу, отыскивая очередную жертву». «Сочелась зная, что я окончила класс и сестра за свою любимую парту — третью у окна». «Согласился бы учиться еще десять лет».

А сколько добрых слов наших ребят — и даже самые застенчивые парни — в адрес школьных учителей. И все, как один, они признали, что влюблены в своей классной руководительнице, преподавателю литературы Нине Александровне Заневской. «Наша Нинюшка», «наша вторая мать» — слова эти встраивались почти в каждый конверт. Что может быть лучшей наградой за учительский труд?

Я хотел вернуть их в школу. А они сами, переставшись друг с другом, в День учителя почти всем классом признались в любви к своей любимой «Нинюшке» и раскостыли улыбкими классный день. И я вспомнил, как в том же классе прошлой весной в ночь прошлойго бала они сидели, сгрудившись, за партами и пели под гитару любимые песни. «У каждого из нас своя дорога», — пели ребята.

Своя дорога... Вчерашний 10 «Б» выбрал ее.

четверг Левушка встает рано. На цыпочках, чтобы не разбудить Люду и детей, в одних трусах идет в кабинет и одевается при свете настольной лампы. Стекла окон белые от ночной наледи, поддувает: бегает на стульчаке корешки яиц. Настроение у Левушки радостное, такое же, как в детстве, в деревне, когда он затеио вставал, чтобы поспеть на реку к класу.

Одевшись, Левушка идет через старинную пятикомнатную квартиру, на ощупь и в темноте открывает дверь в прихожей, но Левушка, как и полагается отъезжающему, выскакивает на середину улицы, пытается поймать «левка», размахивает руками, показывает, что торопится.

По дороге шофер, как обычно, начинает спрашивать, куда он летит и откуда. Левушка пресекает эти разговоры, потому что понимает: шофер выпытывает, приезжен ли или коронник, чтобы в соответствии с этим везти десять минут или полчаса. Левушка называет маршрут, подчеркивая совершенное знание Москвы и многогранность поездок:

— Прямо по улице, на девяносто третьей колеечке — направо, через переулок на улицу Горького, а дальше прямо.

Шофер прикладывает, сраженный разворотливостью опытного клиента.

На Ленинградском проспекте, когда счетчик набивает рубль, сорок пять, возле большой фанерной стены, подсвеченной прожектором, машина спорахивает к аэровокзалу, стормошу в стороне.

Холодно, еще не развиделось, в усталом небе горят зеленые и красные неоновые надписи, площадь пустынная, лишь незваные такси, как стайка антилоп, пасутся на обледеневшем асфальте. Левушка сразу зябнет и с удовольствием ныряет в набитый, пашущий свежим кофе и апельсинным воздухом Четверг.

В аэровокзал Левушка выбирает себе рейс. Ленинград... Тбилиси... Новосибирск... Ама-Ата... Нет, только Ташкент. Там сейчас уже тепло, вспоминает Левушка, на вокзальной площади продают первые цветы, через неделю поначертачасового рейса, он садится в Ташкенте с трапа самолета. Ветерок холодит шею. Синеват на горизонте далекие гребни гор. Его встречают аспирантки в изысканных мини из хан-атласа и пожилая доцентша, которую он едет консультировать на докторскую. Левушка идет с охапкой цветов, помнящая легоньким портфельчиком, который он привез из Вены. Кричат горячки. В воздухе сладкий дымок шампанча. Он идет в сопровождении женщины, как важное лицо, как расслабленный, скачущий иностранец; пассажиры глядят на него с любопытством. Он бросит все дела, не позволит ничем себя увлечь, а будет гулять по Алайскому базару, закончит съездит в Самарканд и Бухару, а если получится, съезжает посмотреть аэропорту Хиву, будет вести себя, как все командные командированные, как, между прочим, будет себя в командировках Цыпульским. Ну, да бог с ним, с Цыпульским, Левушка сейчас не станет портить себе утро из-за этого себялюбивого идюта. Главное, он твердо решил, что летит в Ташкент, вот, правда, рейс немного рановат, уже через полчаса часа.

Через потом не убоноваться, Левушка подходит к справочному бюро:

— Девушка, как с Ташкентом?

Не желая огорчить пассажира, извещающимся тоном девушка отвечает:

— Ташкент охватывает по метеоусловиям, посадка на автобус будет объявлена по окончании маршрута.

— Очень хорошо! — Левушка отходит от окошечка, оставив девушку в недоумении.

Теперь Левушка делает последние дела. В конце зала отыскивает неиспорченный автомат и зябнет в гараж. «Пятьдесят годоворот Левушка. — Это Лев Сергеевич говорит. Утром ты сегодня свободен, езжай по своим делам, ремонтируйся, а к половине второго я тебе, наверное, позвоню еще разок...»

Можно и позавтракать. В буфете на втором этаже не так уж плохо. Играет музыка. На витрине — свежая, аппетитная пища, а за стекляной стеной занимается модный стальной расцвет.

Левушка старательно выбирает расставленные на стойке закуски: нежирную ветчину, салат из свежих помидоров — возраст уже, слава богу, не тот, под сорок, пора беречь организм — кусочек черного хлеба, сто граммов сметаны, черной кофе. Сто граммов коньячку он возьмет пополам, так, чтобы ехать еще под кейфом; и тут Левушка снова вспоминает про Цыпульского. На уголке совете Цыпульский опять, наверное, с ним схватится, и здесь ну иметь голову яснов, сознание твердое и так Цыпульскому врезать, чтобы тот запомнил навсегда.

Расплатившись с бухгалтершей, Левушка ищет место. Все стойки заняты, приходится присесть вместе с молодой девушкой и совсем зеленым парнишкой. Девушка, видимо, иностранка, а парень или провожат ее или переводчик. Улетая куришу, молодые лениво цедают на полом английскому.

Левушка, конечно, с ними не заговаривает, но тут подвывается случай. Не успевав Левушка отпихнуть себе в рот первый кусок ветчины, как в проходе между столиками возникает старая тяджичка с тарелкой в руках. Так же растеряно, как перед этим сам Левушка, тяджичка медленно идет и не находит места. То есть надо бы ей кого-нибудь поспотить, но она то ли стесняется, то ли не умеет сказать. Левушке жалко старую женщину. Когда она подходит ближе, Левушка говорит ей по-тяджички:

— Идите к моему столику, мы вас ждем.

Тяджичка радуется, улыбается, но тут же, видимо, испоня свое строгое старинное воспитание, спрашивает у Левушки:

— А это хорошо, что за столом уже двое мужчин, и вы не поможете?

— Это ничего, мамаши, это сойдат! — разводит руками Левушка и начинает осваивать тарелку. Сидит место. Старушка по-цыпальски пристраивается за краешком стола и начинает есть, робко и благодарно вскидывая на Левушку глаза.

Во время этой сцены парень и девушка прижимают, но потом девушка что-то говорит по-английски парню, и тот, повернувшись к Левушке, по-русски спрашивает:

— Она удивляется, что вы, европеец, знаете азиатский язык. Вы там жамли?

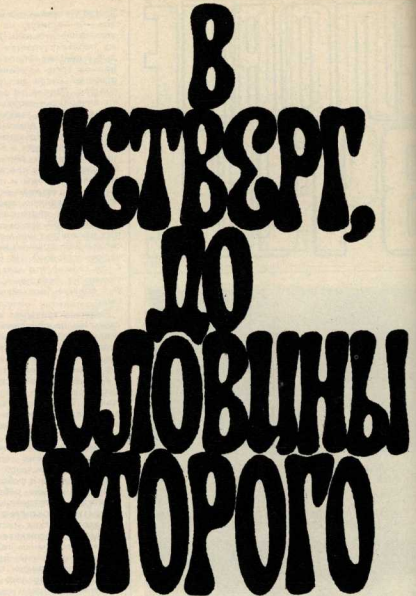
— Я на переводчик? — не отвечая, спрашивает Левушка.

— Я из «Интуриста». Мы летим в Новосибирск.

— Если мне интересуют, то я двинуть! — говорит Левушка по-английски, обращаясь уже к девушке.

— Девушка, зовут меня Ингрид. Я интересуюсь проблемой особо одаренных детей и воспитанием.

— Я шведка, зовут меня Ингрид. Я интересуюсь проблемой особо одаренных детей и воспитанием.

Сергей ЕСИН

РАСККАЗ

По-английски девушка говорит тяжело, подымаясь слова.

— Я был у вас в Стокгольме, — говорит Левушка, переходя на шведский.

Девушка не может скрыть восхищения:

— Сколько же вы знаете языков?

— Я не помню, сколько, — но без кокетства отвечает Левушка. — Много.

Это мой халб.

— Как интересно много знати!

— Это не сложно, но для этого нужно иметь определенные способности, как раньше говорили, специалную «шпишу».

— Я всегда восхищалась людьми со способностями к языкам.

Во время разговора старая тяджичка, быстро перекармливая взгляд с одного на другого, подслушивает с тарелкой и уходит; интуристский парень, слегка позорительно поглаженный на Левушку, дарит проникает к нему доверием и смывается поболтать со своей невестой, приехавшей его провожать. Интуристку он оставил на Левушку.

Левушка и шведка ходят по газону второго этажа и разговаривают. Конечно, в столынии у Левушки поканинг, мелкает, что ведет он себя легкомысленно, но он себя успокаивает, ведь он управляется в языке.

— Больше всего, — говорит Левушка, вспоминая Стокгольм, — меня потрясли позволенные медные крыши и, конечно... Угадате, что?

— Это мой город, — отвечает Ингрид. — Здесь все достойно восхищения.

— Но самое удивительное — это развод караула перед королевским дворцом по воскресеньям.

— Правильно, правильно, — залопала Ингрид в ладоши и засмеялась. И Левушка засмеялся, потому что оба вспомнили «облет», который начинается в двадцать часов дня во внутреннем дворе королевского дворца.

Обоим приятно болтать друг с другом. У Ингрид и Левушки налаживаются чуть влюбленные, приподнятые отношения, которые возникают между молодым мужчиной и девушкой, когда им интересно друг с другом. Но тут появляется давешний парень из «Интуриста», и Ингрид уходит к автобусу.

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

Стоя на биаэстраде, Левушка машет им вслава и вадур вниат Люду. Тут же он понимает, что это не Люда, а другая, незнакомая женщина с такой же, как у Люды, расплывшейся, распоясавшей фигурой, но настроение у Левушки падает.

Конечно, может быть, Люда счастлива оттого, что всегда рядом с ним, оттого, что у них общие дети, но разве этого достаточно? Что же может он сделать с собой, если не любит ее? Теперь и она узнала об этом, а раньше об этом не знала даже он сам. Теперь Люда привыкла и перестала его ревновать. А может быть, она знала о Тамаре?

...Когда он еще учился на пятом курсе, он любил бывать на вокзале. Ему казалось, что так он ближе к дому. Он тогда ездил к своему кусторскому поезду. Слушая речь землекопов, видел их приземистые, плотные фигуры, женщины в пуховых шубах. Каждый раз, встречая поезд, он представлял себе, как доезжает до Костромы, дальше летит самолетом до Шары, а там напрямик через лес до дутора. Поезд в Кострому уходил вечером, около двенадцати, и Люда думала, что он встретится с какой-то женщиной. Несколько раз Левушка видел Люду в толпе на перроне. Она тогда его еще ревновала и ездидла за ним на вокзал. Сейчас уже не ездят — или слишком много забот с детьми, с хозяйством, или махнула рукой?

Тогда, на пятом курсе, когда не было ни кандидатской, ни докторской, тогда он не знал, что возвраща ему нет. Говорят, что у него призвание лингвиста. Наверно, у него просто «шпика» лингвиста. Ведь он ничего не хотел, только жить у себя на хуторе, ездить на тракторе, работать. Пусть даже председателем колхоза. Но чтобы вокрут — лес, рыбака, чтобы вокрут — жизнь, которой распоряжался бы он сам. И чтобы рядом Люда, дети. Он бы читал книги. Толстого «Войну и мир», Гоголя, Лермонтова, Горького. Но после окончания школы с золотой медалью ему итемнивали, что он обязательно должен учиться в университете. А ему уже осточертело учеба, хотя он так, между делом, в школе выучил и английский, и немецкий, и по самоучителю еще и французский. Ольга Петровна, их немка, говорила, что у него необыкновен-

ный дар к языкам, а это встречается раз в сто лет, что он не должен «зрывать в зомало своей гениальности». А он разнеслся утин.

В университете все пошло автоматически. Ему просто было скучно и пить и бегать по кино, даже спортом было заниматься лень, вот он и читал книжки. А прочитав два раза, уже помнил страницу на память, и выдающиеся способности лингвиста у него нашл лишь потому, что он все всегда помнил. Академик, когда принимал у него на четвертом курсе экзамен, восхищался. Поэтому его и заставили писать диплом по этому чертову языковедению.

Академик хотел, чтобы Левушка непременно приходил к нему вечером по субботам. Они сидели с ним в кабинете, в креслах, а потом Люда, дочь академика, вносила чай. Он не обращал на Люду внимания: они учились в одной группе, а тут впервые заметил, что руки у нее полные, белые, терпеливые, и чай она наливает спокойно и ласково. А потом она уходила, ей были скучны их разговоры. Или бывало так: Люда садилась в кресло и, не вслушиваясь в их беседу, молча улыбалась, тогда уходила академик. Люда с Левушкой ни о чем не говорили, но им об этом было хорошо. Левушка защитил с отличием диплом, и о дипломе заговорили, как о готовой кандидатской диссертации, академик взял его к себе в аспиранты. Тут само собой и определилось, что Люда и Левушка должны пожениться.

...Как бы обрадовались Цыгульский, Грошев и их компания, если б он ушел из института!.. Но ведь у него, Левушки, есть свой дом перед аспирантой, перед покойным тестем, перед отцом, наконец, перед директором. Надо драться. И на учебном совете он, конечно, Цыгульскому приварит.

Если бы сразу же после университета он уехал преподавать в свои места! Прекрасные часы в школе, а потом — номаый казак. Идешь на охоту, гуляешь по лесу, копнешь в сорном. И так каждый день. Только смог бы он так прожить? Нет, наверно. Его тянуло бы в город, в Москву. Он думал бы, что потерял весь мир, концентрацию, славу. Надо было решиться на все еще раньше, когда он встретился с Тамарой.

Твоя профессия

ДОБРАТЬСЯ ДО КОНЕЧНОГО ПУНКТА НА СХЕМЕ ПОРОЙ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ЗА РУЛЕМ «ИКАРУСА».

Икарус» берет в «шник» на борт 150 пассажиров и быстро вылетает с Киевского Полета к центру. Несмотря на габариты, это удивительно легкая и управляемая машина, маневренная илв, как говорят водители, «разворотливая». Она покрыла себя автомобильной славой на трассах всего мира, и вот уже несколько лет как благополучно криварисовалась в наших автохозяйствах, выполняя самые разные рейсы. Венгерский «Икарус» на наших трассах — это владыка все той же социалистической интеграции в масштабах СЭВ.

Хорошей машине нужен хороший дом, и не один, а много. Но сначала должен быть поряток — просторный, экономичный, надежный, красивый. Обязательный красивый. И такой дом был построен в Киеве, в Дарвинце.

Площадь закрытой стоянки под куполом — 23 тысячи квадратных метров. Это в несколько раз больше, чем площадь футбольного поля, чем все здания подобного типа, сооружаемые когда-либо в мире.

Из какого материала сделана крыша гигантской стоянки? Хозяева отвечают, что из бетона. «Из бетона? — осторожно спрашивают гости. — Бетон — тяжелейший строительный материал. А здесь ведь нет опор. На чем же он держится? На стальных тросах. И тут гости, в зависимости от характера, проявляют себя по-разному. Одни удивляются, другие жмутся ближе к стене, третьи внешне выражают желание выйти на воздух. Происходит это по вполне понятным причинам — человеку надо привыкнуть к мысли, что у него над головой крыша не в обычном понимании, на сварных конструкциях, а какая-то там на тросах. А трос — это, простите, не очень убедительно. Не очень, пока вы вникнете в технологию, использующую конструкторами необычного проекта. Только смелым людям можно прийти в голову повесить крышу на тросах, нусть даже сверхпрочных. Но одной смелости было явно недостаточно. Надо было просчитать тысячи невозможных параметров, потом забыть результаты и просчитать все вновь. Потому что одно дело — планетия, который использовали авиристы, который использовали авиристы при вынужденном покрытии спо-

ПРОЧНОСТИ

Владислав ЯНЕЛИС,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

ДВА ГЛАЗА ХОРОШО, ШЕСТЬ — ЕЩЕ ЛУЧШЕ.

«СЕЙЧАС, СТАЛО БЫТЬ, ПОЕДЕМ...»

его павильона на Всемирной выставке в Монреале, другое дело — железобетонные плиты в количестве 1 680 штук, каждая весом от 2 до 2,5 тонны.

Директор строящегося парка Л. Д. Сиваак, человек аналитического и осторожного ума, самостоятельно проверил трос из каждого барабана на прочность. И только убедившись, что они имеют почти двойной запас этой самой прочности, разрешил их натягивать. Но еще прежде чем приступить к монтажу столбика, во дворе НИИ строительной (одно из авторов проекта столбика) выросло предполагаемое здание, уменьшенное вдвое. На нем еще раз проверялась правильность инженерных и конструкторских решений, расчетов, выкладок. И, может быть, сто раз облизав свое детское — прообра будущего гиганта, главные инженеры проекта В. А. Колзов и С. И. Сморгон только на сто первый шедевр все сомнения и дали «добро».

Но, конечно, потом еще не дважды перед ними и строителями вставали проблемы одна сложнее другой. К примеру, надо было решить, как предохранить ванты от действия времени, коррозии, ведь обычный бетон сжимается при твердении, а

образовавшиеся трещины попадают влаги, разрушающая даже сталь. И если любое здание из бетона после «утадки» можно отремонтировать, то ванты нельзя. Они должны служить вечно. Наконец, нашли такой бетон, который при твердении саморасширялся, заполняя все полости. 84 стальных троса, каждый длиной 82 метра, были на весу залаты железобетоном и намертво заклинены под центром купола в специальной башке.

Новые современные формы требовали столь же нового содержания; в закрытой столбике были предусмотрены система кондиционирования и осветные сооружения, промышленное телевидение и автоматический конвейер для ремонта машин, четырехточечная мойка и... вычислительный центр. Центр работает на все хозяйство. Управление пассажирского транспорта Киева, программирует маршруты, рассчитывает зарплату и делает еще очень многое, а заодно выдает сменную схему расстановки машин на стоянке и оптимальный график их работы. Руководство предприятия сморело вперед — хочешь успеть за временем, вычислительный центр необходим. Так же как необходимо научное прогнози-

рование развития транспорта, пассажиропотоков и т. д.

И произошла странная вещь. При остром дефиците водителей в Киеве новый автобусный парк начал быстро укомплектовываться кадрами. Приходила в основном молодежь. Думаю, что обусловлено это два главных фактора — ребята хотели работать на новых машинах, в новом, благоустроенном, оснащенном современным оборудованием парке. Здесь же было для них интересно — цехи, агрегаты, взаимоотношения в коллективе, люди. И хотя водителей все равно не хватало, брали не всех. А когда приходил комсомолец, последнее слово оставалось за комитетом ЛКСМУ. Секретарь комитета Петр Литвиненко, записной автолеса-рь, говорил коротко и прямо:

Валдиста нам не нужно, ляхачей и денковозабителей тоже, временных — тем более. Ходи, смотри, разговаривай с ребятами, здесь все на виду. Решить твердо — приходи. И приходишь. Но не все. Указывали, что в парке строгая дисциплина, что работать надо аккуратно, вежливо, товарищей не подводить. Некоторые считали, что за те же деньги можно устроиться там, где требуют не так много. О них не знали.

Да, так вот — люди. Они основа всему, и любая копейка мертва, если в каждом деле нет энтузиазма, таких, чтобы готовы были ради этого своего дела поступиться личными выгодами, у которых можно учиться работать и любить свою работу. Когда организовывали новый парк, такие люди были просто необходимыми, чтобы все с самого начала поставить так, как надо. И уже не говорю о Л. Д. Спивак, он инженер-строитель, но его дело было не просто сдать парк в эксплуатацию, а наладить работу всех служб и звеньев предприятия, в том числе и снабжение; продумать вопросы быта рабочих, подобрать кадры. Спивак разве что только не ночевал в парке; приезжал туда чуть свет, рысочкой проносился по всем цехам и к приходу начальников служб уже был и курсе того, как работает парк ночью, где какие образовались неудобства, чтобы утром же, немедленно, распорядиться, удивив всех осведомленностью.

В силу дотошности характера беспокоило его и то, за какое число месяцев пьют слесари в ночном буфете, и полны ли газоны, и как действовала автоматика на койке, и многое другое. Но это вовсе не значило, что Спивак разбрасывался на второстепенное, он, держа в голове все, обладает способностью мгновенно сосредоточиваться на кардинальных вопросах, а мелочи служат ему вспомогательным материалом. В этом я убеждался не раз. Помню, как кто-то из заведующих мастерскими неожиданно усомнился в необходимости закладывать в проект парка (в Москве собираются строить такой же) подземный переход из администрации в крытую стоянку. «Дороговато, да и смысла большого нет, все равно ребята уйдут бегом, благо расстояние — всего-то пятнадцать метров».

— Верно, расстояние небольшое, — говорит Спивак, — но эти самые пятнадцать метров по улице в холодное время года обернутся высокой производственной заболеваемостью среди рабочих всех специальностей. И в конечном итоге и они и государство потеряют значительно больше, чем стоит подземный переход.

Потом в парк пришел Завадский, и Спиваку стало намного легче. Этих людей связывает, кроме обычной деловой общности, еще и внутренний темперамент, одинаковость понимания своей роли организаторов. Вслед за Романом, который был назначен

начальником эксплуатации, потянулся его гвардеец. Завадский знал и управлял еще по его комсомольской работе, все-таки десять лет бескомпромиссно секретаря по 2-й парке. В 1969 году передал дела другому, но заходил в комитет и сейчас, подсаживает Петру Литвиненко, кто и к чему, а иногда по привычке спорит до полудня с молодежью. Не остался Роман Григорьевич от комсомола, не заболело и нем ничего с тех «счастливых его лет».

Выдалось нам с ним посетить спойкой во дворе в конце дня, и Завадский рассказал, как летали они в шестидесятых годах создавать комсомольские маршруты, как рождалось движение за полуавтономный пролет без заводского ремонта. И первый, кто взял эту цифру, был его друг, член тогдашнего комитета ЛКСМУ Антон Гаджик. Он и сейчас в парке в числе лучших водителей. За тем полуавтономный рубчик олеял бывший начальник штаба «КП» Василий Дронов, которого за твердость характера ребята между собой называли Францем. Потом комсомолец Стенан Опиничко. Они тогда ездил на львовских машинах, которые и сегодня считаются отличными, высокоходными, быстрыми, надежными, по 300 тысяч километров казались фантастической цифрой. Завадский и его друзья доказали друге.

Вспомнил Роман Григорьевич, как пробивали они в управлении разрешение установить на междугородных автобусах холодильники для минеральной воды и другие пошесть, как устраивали встречи с пассажирами, чтобы знать о своей работе из «первых рук». Как открывал он на своей машине первый междугородный автобусный маршрут Киев — Варна. И как они, совсем уже школьники, собирали макулатуру и лом, чтобы засесть наметание погибшим ушкам Дарницкого вождя парка. В 68-м году на открытии

ПРОВЕРЯЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО МАШИНЫ...

◀ ПРОФИЛАКТИКА.

ВЫРУЧКА. ▶

В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ.

памятника выступил бывший начальник управления пассажирского транспорта города А. Киселев, а же бывший узник этого лагеря, безжалостный оттуда, и плакал, долго не выпускал руку Завадского на своей. О комсомольской организации 2-го парка заговорил в республике, к ним стал приезжать за опытом из других городов. Вот такие дела делал Роман Завадский своему преемнику.

Мы доураки, подглядели с колодежной бетонной балки и пошли вымускать машины на «ликовое» время. Они выкатывались из ворот, повиснув строго определенной системы внутреннего движения и, описав полукруг вдоль стоек, городских минометами влились на малых оборотах к выходу. У большинства водителей своей похоти езды, профессиональной манера. По экономичному мигучко ходу очереди машины мы знали, что и в кабине Юра Червечку в неизменной белой сорочке с закатанными рукавами. Юра 23, у него уже первый класс, ни одного замечания за пятнадцатую работу на транспорте и результаты отличного водителя. Два дня назад мы случайно сошлись с ним в одном из дарницких магазин. Он о чем-то раз-

говаривал с директором, а потом я узнал, что Червечку второй год депутат районного Совета. Вот тебе и Юра! К тому же вместе с Николаем Соломоном они впервые освоили маршрут № 62, точнее брали его на себя.

При поддержке дирекции комитет ЛКСМУ парка создал 25 молодежных экипажей и объявил 62-й ударным комсомольским маршрутом. Отклонение от графика в часы «пик» больше 30 секунд рассматривалось как нарушение производственной дисциплины, ни одна машина не выходила на линию, будь у нее малейшая неисправность. Через два месяца на 62-м и в полтора раза увеличился поток пассажиров, сработали законы конкуренции, аэда, еще недавно бойкотированные маршруты из-за нерегулярности движения машин, вернулись на него. Вырос процент выполнения финансового плана, отсюда — зарплаток водителям. Не оторую роль сыграла при этом высокая культура работы, возведенная на 62-м в ранг производственной необходимости.

Остановки объявлялись заранее, никто не трогался с места, пока не будет посажен пассажир, была разработана специальная докладная форма общения с пассажирами, забывающими платить за проезд.

Удивительное дело — скоро контрольные проверки ревизоров давали наименьшую выручку на 62-м, считавшиеся прежде для тех же ревизоров «золотой жилой». На маршруте полностью прекратилась текучесть кадров, он был признан лучшим в парке, понаслышке на 62-й работа стало почти невозможно.

Разговорная с Николаем Соломоном, а вспоминая, как однажды в Одессе водитель автобуса обратился со словами к пассажирам: «Чтобы вы так досаждали, как заплясали!» Сильно сказано, не правда ли? Но почему-то никто из пассажиров не пошел после этого в камины.

Последней машиной «постучался в дом» около двух ночи. Николай Цепенев, он же бригадир 62-го маршрута, подполел и диспетчеру и сказал, чтобы ему записали опоздание на 15 минут.

— Что случилось, Коля? — спросил его диспетчер.

— Девушка провозжал с конюшни.

Ну, Цепенев, давай! — крикнул кто-то из ребят. — Ты ж жена.

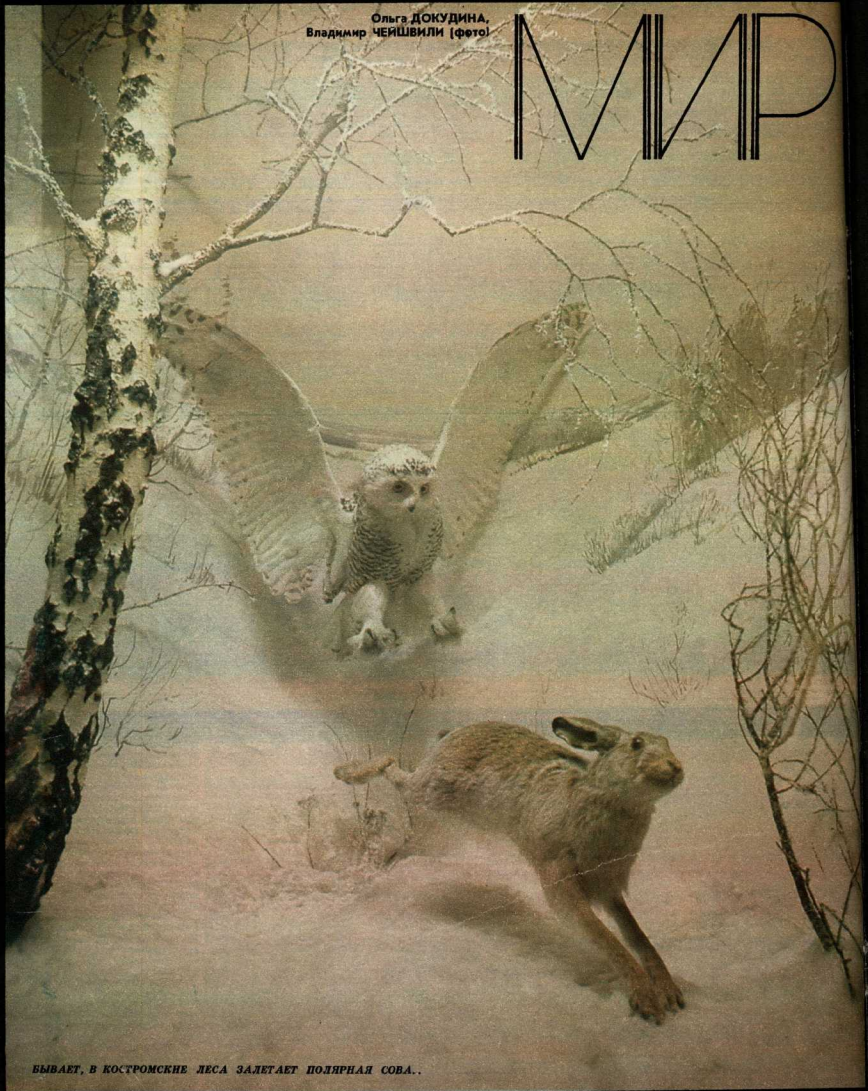
— Мало ли что!

Он съехал в луги, сдал кассу и, проехав мимо диспетчерской, заметил:

— Девушка-то уже родила, наверное, и ее в роддом завезли. А опоздание все-таки записи, порядок должен быть.

Ольга ДОКУДИНА,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ММР

БЫВАЕТ, В КОСТРОМСКИЕ ЛЕСА ЗАЛЕТАЕТ ПОЛЯРНАЯ СОВА.

ВЕЩА

О юда, в отдел природы Костромского историко-архитектурного музея-заповедника Давыдовской монастырской мушье всего приходится так вдум, когда здесь еще не так людно. Всплывает над водой солнце, поблудит по Волге и Костромле золотые дорожки, загорятся крыла, и прорвутся деревья, разбуженные птичками. Говорят, этим деревьям по сто шестьдесят лет, а может, и побольше, и отдал природе, собственнико, с них и начинается, а двухэтажное здание с пятью тесовыми залами — это продолжение.

В залах — представители более сотни видов животных и свыше двухсот видов птиц Костромской области. В лесу они не могут жить в мире и согласии, дварам музея рассказывают о коварствах и драмах лесной жизни.

Из крохотной мастерской на втором этаже, именуемой служебной комнатой, выходит высокая седая человек. Незаметный, тихий, он слушает, о чем ведут разговор посетители, старается понять, какие мысли и чувства рождают у них экспонаты. Владимир Андреевич Так в сотрудничестве с художниками создал удивительную панораму животного мира Костромского края. Так охотится, добывает шкуру зверя, дружит с егерем, шурлит чучела, создавая композиции.

...За стеклом — семейная идиллия: волчата разрывают мясо, лисы и скотины едят кашу и потому задумчивую птицу; умиротворенно смотрит на простоящую волчица-мать.

...Саватка лоса с волками. Судя по всему, погорел ружьем на земле обесшумленный лес, волчья стая, несмотря на потери, одолевает...

...Птенец-чужушонко сидит, раскрывая клюв, а на голове у него маленькая птичка-идиллия. Оказывается, она высидила кукушонка, и хотя кукушонка теперь в десять раз больше самой птички, она продолжает кормить его.

— Сама кукушка — никудышная мамаша, так распорядилась природою, — усмехается Так, — но она, кукушка, за свою жизнь уничтожает

столько вредителей леса, что искупает вину.

И о хищниках-волках он говорит неоднозначно — как о лесных санитарях, которые хоть и живут по «волчьим законам», но приносят свою пользу лесу.

— Считают егера волчки следки, знают, сколько должно находиться хищников в лесу, чтоб не ирруршался круговорот жизни.

...Весна, рассвет, на дереве птица с красной бровью. Это перед восходом солнца поет глухарь, Владимир Андреевич щелкает крышечкой магнитофона, пристроенного в ящике в углу, и мы слышим, как выводит своим лесным нотам глухарь. Остаются экскурсоводы, люди потянутся на пещику, а потом еще послушают, как токует тетерев, будут внимать высокому кончу журавля — в концерте примет участие двенадцать соловьев.

...За стеклом спокойная синева вод и небо, неяркое, тихое. Это — костромские водохранилища в районе острова Жары. Здесь рыба скрывается в воде, плавают на своей лад большие лебеди, гуси, утки — все многоликое население искусственного моря.

Начинал свою жизнь отдал природе с одного маленького зала, потом, когда все уже было в таном виде, как сейчас, случился пожар. Бросился Так спасать лоса, топтал огонь, олалил лицо и руки, и погиб лось — теперь уже во второй раз, — и сгорели чучела волков, птиц — два зала исчезли полностью. Это было бедою не только для Така, но только для музея — для всего города. Однако через год сотрудники вновь открыли рукотворный уголок природы, повторив все погибшие экспонаты.

У Така сейчас двое учеников — Альберт Шувалдин и Виктор Тиков. Все вместе они создали уголки природы в трех районных филиалах музея, готовятся открыть четвертые.

Трудно даются композиции. Бывает, не получается волк озлобленным и тишцыми. Поза — наладующего хищника, а морда — смеющаяся. Смеющийся волк — каково! Владимир Андреевич, примеривался и так и этак, даже собак драссил, смотрел, На IV стр. обв. ♀

РЕДКОСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ БАБОЧЕК — УКРАЩЕНИЕ МУЗЕЯ.

ГРОЗА ПОЛЕВОК.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ТАК ЗА РАБОТОЙ.

МЕДВЕДЬ В ЛЕСУ — ХОЗЯИН.

Кругозор современника

С народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий Василем Васильевичем МЕРКУРИЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Лина ТАРХОВА

«**В**стреча на улице известного артиста, люди по-разному реагируют на это. Смотрят во все глаза, млеют от восторга... Я заметил, кто, узнавая Меркурьева, люди всегда улыбаются — так сказал о Василии Васильевиче его старый друг, вождь по профессии.

— Приятен, должно быть, этот бесхитрый знак признания?

С такого вопроса, который интересно задать всякому известному человеку, начинается наш разговор с Василем Васильевичем Меркуриевым.

Я дома у Василия Васильевича и его жены Ирины Всеволодовны Меркурьевой-Мейерхольд. Меркурьев большой, киван-то редкостно добродетельный, обаявающий своим особым говором, точь-вточь такой, как в кино. Хочется распробить этого удивительного артиста о многом — о сыгранных и несыгранных ролях, об отношении к своим героям, к работе вообще, а зна-

чит, и к жизни. Но, так уж получилось — сначала спросила о суетном.

— Приятно ли быть известным? На вопрос вынужден сказать: не знаю. Почему-то и принимаю знаки внимания так, будто они относятся не ко мне. Иногда оседаю по эвентурии или по трагаво спорту даже: Меркурьева и мои не Меркурьева. Один говорит: «он», другой доназывает, что Меркурьева таков быть не может. Я глаза закрою, слушаю. Приятно, что знают Меркурьева, ну, а я здесь при чем? Я никогда не мог совершить похалки, натурда, разные страанные вестности со своей особой. Страна страанная... Большая всего удовольствие ина востановления сама работа — любда. И не сразу стал артистом. Я начинал гробовщиком, да, и гробовщик. Мы делали за день загостови для двух домов... Если оставалось время, вырезали шахматы, давшие надбудку. И сейчас обоимко платитица дае. Но, конечно, если бы пришлось начинать жизнь снова, и бы опять совершил эту ошибку — стал артистом.

— Про ошибку вы не асерьез, конечно...

— Это слово я употребил, разумеется, не в роковом его значении. Я хочу сказать, что, если бы принимал решение сейчас жить, какие страанные трудности меня ждут, то приздуался, здорово приздуался бы. Ни один человек, не побывавший в шкуру антера, не поймет, как это непростое. Я знаю, обо мне говорят: «Меркурьева нам сир в масле натетица». Все, мол, у него иде легло и просто. Признаться, и сами так думали!

Меркурьева подчас вперед, точно ица подтверждений своих слов.

А как было думать иначе?

Меркурьева — один из самых «благополучных» наших актеров, по крайней мере на сторонний взгляд. Творческий путь его, начавшийся «триумфальным» исполнением роли Варлава из «Бориса Годунова» в школьном кружке самодеятельности, откуда «артисту» было едва тринадцать лет, представляется идеально прямым и гладким. Сыграны десятки ролей на сцене, больше семидесяти в кино. Меркурьева снимался у самых крупных кинорежиссеров — Коозничева, Трауберга, братьев Васильевых, Зархи, Хейфица, Калатозова. Снимался без обычных для актеров перерывов. Кроме всего этого, есть мастерская в Ленинградском институте искусства, где профессор Меркурьева вместе со старшим преподавателем И. В. Мейерхольд обучают актерской профессии 26 студентов, отдавая им богатство своего опыта...

И впрямь удачливый. Образ такого человека несложно складывается и когда видишь артиста не на сцене. Добродушный, мудрый, неунымающий, он имеет веские основания смотреть на мир оптимистически... Он кажется слишком крупным и значительным, чтобы невзгоды могли иметь над ним серьезную власть.

— Знаете, думал! — с какими грустными удивлением толкует мое молчание. Меркурьева... А знаете, у антера — любого — не может быть легкой судьбы. Если будет «легкая», то «убавится» бы. Мейерхольд (име постачивалось работать с Всеволодом Мейерхольдом) учил нас: «Тратите себя только на сцене». Мы с Ириной Всеволодовной изучаем ученика: «Без полной отдачи нет искусства». Я обоимко рыбачить. Знаете, как-то яед завед заведом, поглазет, а с новыми холодами намерзает второй. Случается, антера «ловит» рыба между первым и вторым льдом. А ты прорубишь снова первый, и глубиню!

Недавно мне поручили в пьесе «Артем» роль священника. Роль эта небольшая, всего две сцены отведены мне автором, а динамика образа нелюбительная — поп в конце, ни много ни мало, готов признат революцию. Ищу, где зерно образа, откуда и поче такая широта мышления. Едва только собор разутья по одному попо со складной судей. Я всегда пылюю ина, ноужу, что знаю, что мне предстоит сыграть... Дистаю книги, среди них — «Монтеи». И вдруг мне встречается такая фраза: «Все это от полубразавания». Великие слова, и в нашему времени неизменно отношение: мы считаем, что знаем много, оттого что знаем слишком мало. Это ведь илюч и новой философии моего гоним, моноубриваю ина, что знаю себе подобный сит по горло. А революционер, оказавший на него решающее влияние, подпадал под цельность, чельным представлением о мире. Нашел!

Многие, кто работал с Меркуриевым, отзываются о нем как о художнике исключительно требовательном к себе. Эта требовательность и определила, наверное, те трудности, о которых говорил артист. Как выразился один проницательный человек, наш рай и наш ад — в нас самих. Ирина Всеволодовна рассказала, как смотрел Меркурьева на вечер, устроенном в его честь, отрывки из своих фильмов («Встреча» со своим именем состоялась после долгой разлуки, артист вдал смотрел свои фильмы на общих основаниях.) После каждого отрывка он шепотом выносил себе приговор: «Не годится, не годится, все надо переделывать». Артист нервничал, настроение его падало. (Только кусочек на «Леса», где Василий Васильевич играл Всеволодара, выдержал экзамен. Когда этот отрывок кончился, Меркурьева, увлеченный, произнес: «Как он здорово играет!» — совершенно забывает, кто это кто.)

Но с годами вместе с уверенностью в своих силах не приходит ли и спасительное чувство, что опыт, актерская техника сами работают, что вы

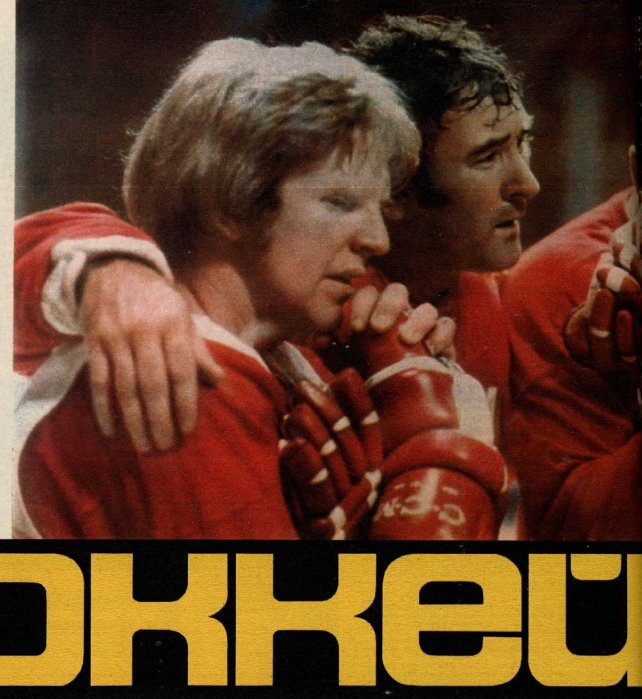
14 АВГУСТА

Как и большинство людей, меня интересует, насколько серьезно отнесутся игроки и тренеры к следующему лету; ведь обычно в это время они либо находятся за городом, либо на площадках для гольфа или тенниса, или же просто загорают в бассейне. Отнесемся мы ко всему несерьезно, и тогда Гарри и Ферги будут вынуждены увеличить объем тренировок во время двухразовых тренировок. Или мы с полной ответственностью подойдем к тренировкам и предельно отдадимся выполнению главной задачи, возложенной на нас, — выиграть в России? Поживем — увидим.

Гарри и Ферги выделены из общего состава кандидатов несколько звеньев, которые у них не вызывают сомнений и которые, видимо, будут играть в своих привычных составах. Тройка из «Нью-Йорк Рейнджерс» — Раттелл, Джилберт и Хэдфилд, обыгравшая в прошлом году всю НХЛ в целом и Кена Драйдена в частности (они удерживали забитые мячи в среднем по два гола за игру), но в последние дни, не претерпев никаких изменений в предвостных встречах.

В другой тройке Фил Эспозито играет в центре вместе с Фриком, Маховалчем и Айвном Куртуае. Думаю, что русские вратари не горят особым желанием встретиться с этим звеном, в котором в прошлом году Эспозито забил 66 голов, Куртуае — 47 и Маховалч — 43. Это в сумме составляет 156 голов, то есть всего на 44 гола меньше, чем забил год назад все «Филадельфия Флайерс».

В следующем звене Бобби Кларк исполняет функции центрального нападающего, двое других — Рон Элиас

и Поль Хендерсон. Обычно в «Торонто Мейлд Айвс» с Элиасом и Хендерсоном работает Норм Уильямс, но Кларк играет примерно в той же манере, что и Уильямс. Слово «вертикаль» они перемалывают все, что попадает к ним на площадке, загоняя страх на игроков своим постоянным сильным давлением в нападении и жесткой игрой в защите. Думаю, что это трио является самым скоростивым для русских.

15 АВГУСТА

Месяц назад я прочел интересную статью в «Мэчестер Гардиан» о выдающемся бостонском университете Луиде Хемере, который, выступая за команду Великобритании, выиграл золотую медаль в барьерном беге на 400 метров на Олимпийских играх 1908 года в Мехико. Помните, что Хемер был чемпионом олимпиады в 1908 году, но ведь и сейчас перед стартом, в Мюнхене, несмотря на то, что он олимпийский чемпион, всяны его расцениваются не очень высоко.

Хемер говорит, что он на тренировках никогда не показывал отличных результатов, но это обстоятель-

ство его совсем не смущало. Он считает, что когда конкуренция поставит его перед необходимостью показать время, нужное для победы, у него будет достаточный запас сил, чтобы сделать это. Почему? Потому что во время тренировок он придерживается следующей системы: «Я пробегаю мило за милью каждый день, потому что знаю, что в один прекрасный день это мне пригодится. Конечно, это может, и не произойдет ни на следующей неделе, ни через пару недель, шесть месяцев или даже пять лет, но в один прекрасный день вся продолжительная работа — бег по пересеченной местности, преодоление на тренировках дополнительных препятствий — является залогом моей победы в решающем забеге».

Чтая о таком подходе Хемер к своей общефизической подготовке, я подумал, что он прав, и решил применить его метод в собственных тренировках. Сейчас во время занятий в «Мейлд Айвс Гардзелс» моей основной задачей должно быть подведение себя к лучшей форме. Я хочу укрепить ноги. Я хочу сделать более острой свою реакцию. Мне надо привыкнуть к своей новой, более тяжелой экипировке. Плавать на сегодняшний день. Плавать на шайбу, заставляющие сейчас в мои ворота

со всех углов. Я возьму их позже. Надеюсь, у меня новая пара шитков, и я никак не могу к ним привыкнуть. Они очень жесткие, и ногам в них тяжело и неудобно. Дробянок они немного длиннее. В результате все это отражается на моей подвижности, и я пропускаю такие голы, которые должен был бы брать без всякого труда. Лед в «Гардзелс» медленный и неровный, поэтому шайба, адресованная бьющему вратарю, слегка подпрыгивает. В связи с этим много бросков проносятся мимо головы на большой высоте.

В данный момент во время игры я забочусь скорее о собственной безопасности, нежели о неприкосновенности своих ворот. Такая игра не делаетести любому вратарю, потому что мне придется как можно скорее перебороть в себе это чувство. Если хочешь отразить шайбу, летящую со скоростью свыше ста миль в час, тебе уже некогда думать о собственном здоровье. Ты должен захватить об оземь и сосредоточить все свое внимание только на том, как остановить вмя-

16 АВГУСТА

Фил Эспозито играет сейчас центральным нападающим в одной тройке с Жан-Полем Паризе и Эйвом Кин-

нзоном, а то время как Стэн Макита исполняет ту же роль в звене с Фриком, Маховалчем и Айвном Куртуае. За Кинзоном и Паризе ходит слава «добытчиков» — они штурмуют соперников, выходящих шайбой в утлах площадки, и обычно выходят из борьбы победителями. Кинзон играет в «Бостоне» в одной тройке с Эспозито и получает очки за точные передачи примерно с 75 процентов голов, забиваемых Филом.

В большинстве случаев Эспо достигает успеха за счет мощных и молниеносных кистевых бросков с расстояния чуть меньше 20 футов (одни фут равен примерно 30 сантиметрам.) Редко от линии ворот. Он просто врывается своим несдаваемым телом в одну точку и терпеливо ожидает, когда Кинзон или Ходж (это другой партнер в «Бостоне») обработают шайбу в утлу площадки и отдадут ему. И затем, прежде чем вратарь успеет сплоскнуться, как из пушки, посылают шайбу мимо него в ворота. Когда я играю против «Бостон Брюинз», я стараюсь по возможности не привлекать внимания на действия Кинзона и Ходжа в утлах, фокусирую его главным образом на том моменте, когда Эспозито выходит на так называемую ударную позицию. Этот секрет знают все вратари, так как если

Сидней и Фергюсон отлучили от хоккея. Они собираются дважды в день: утром на девятую минутку для раскатки и вечером — на шестьдесят для работы над техникой, и в предвечерние интересные события работают серьезно и с оговком. Наши тренеры ничем, по существу, не отличаются от тренеров, принятых в НХЛ, но прололать в правдоподобной обстановке, непричастной для большинства профессиональных клубов.

С первого же дня все без исключения игроки работают с колоссальной отдачей сил. Мелкие пошарышковые конекмены стараются не отставать, от знаменитостей вроде Маклаудов, Эспозито или Парка, которые на тренировках буквально не падают с себя.

Поведение тех, кто не входит в так называемую «элиту», определяется, по-моему, одним обстоятельством. Им хочется доказать, что они тоже хорошие хоккеисты и достойны уважения «звезд». Пусть это звучит банально, но это так. На сборе каждой команде доказать, что они лучшие из лучших, а добиться этого можно лишь трудом, преодолеваям по упрямству труд других выдающихся хоккеистов.

19 АВГУСТА

Сава бегут, первая неделя позад и хорошо, что нам не завтра играть с русскими. Я еще дамек от своей лучшей формы, и эта неделя была мне нужна, чтобы обрести ее. Кажется, я потяжовку подхожу к ней. Иги, чувствую, окрепла, и я сбросил несколько фунтов. Провал той недели, которое возмущает от физических утрачений, если ты давно не тренировался. Быть может, я разочаровал своих товарищей в команде, пропустил на этой неделе столько шагов, но я уверен, что на следующей буду работать более продуктивно.

Когда игроки недовольны своим

рица на команд. А ведь обычно по время командных игр страста разгорается так, что те же самые игроки тотому буквально извещают друг друга.

Например, Брэд Парк довольно недавно высказался в своей книге о Филе Эспозито. А теперь они тренируются на одном яду и мирно перебрасывают шабду, доводя на время. Обады кричат, как будто, что тренерам приходится прилагать немало усилий, чтобы во имя интересов сборной занятые соперники перестали сводить свои старые счеты. Выпукло тренерам тоже предпологами, что им придется столкнуться с этим. Но когда попадаешь в одну команду со своими старыми противниками и узнаешь их поближе, то убеждаешься, что они вполне приличные ребята.

22 АВГУСТА

Как тренеры ни стараются разоборать тренировки, они остаются скучными. В конце концов устаешь от этих бесконечных команд «стоп» и «старт». Уд! Сегодня наконец провали первую двустороннюю игру. Как и всегда бывало в начале сезона, надеющиеся взяли верх, но в конце концов всех победить не удалось. Я провёл в воротах двадцать минут и пропустил шесть шагов. Похвастаться нечем, это уж точно. А через несколько дней приезжают русские.

26 АВГУСТА

Уже почти целый месяц газеты и телевизионные токшоу и проводят о продающихся матчах между Канадой и Советским Союзом. И все же ощущение такое, что это время наступит еще не скоро. 7 сентября еще рано очень дамею.

Прада, сегодня вечером, когда я смотрел по телевизору великую церемонию открытия Олимпийских

ет от своей линии до своей линии за 1,9633 секунды, то русские наверняка об этом уже знают. Любопытная деталь: стоило мне пропустить летнюю шабду, и я ловил себя на том, что томясь на трибуну: беру ли себя это на заметку или нет?

По-видимому, русские тренеры изучают своего противника, так же, как американские футболисты. Они, в частности, закупают все имеющиеся у них данные в электронную машину и получают рекомендации, что к применить, надо делать. После того, как Фил Эспозито, если он владеет шабдой в двадцати футах от линии ворот. Если это так, то после матча я бы не возражал сыграть conosco с этой рекомендацией.

28 АВГУСТА

Наконец заканчивается последние приготовления. Сегодня утром нам выдали расписание поездки в Монреаль, а после обеда мы получили официальные дорожные команды Канады, с которыми «бейеры с натуральной шапкой в виде бумогого клееного листа, на котором начертано «Команда Канады» и во две пары серообитые сиденья, с тридцатью местами в Монреаль на двух самолетах в пятницу 1 сентября. Владеядца НХЛ по некоторым причинам не хотели, чтобы все из тридцати мест самолета — одним — правым. Прада, Питер Махович полубошарствовал, а что они будут делать, если два самолета столкнутся друг с другом в воздухе?

Приехав в Монреаль, мы проведем одну тренировку и покажемся на короткое время на специальном приеме в «Палас Вилла Марри». После чего нас уже никто не будет беспокоить вплоть до вылета русских в «Форму» в субботу вечером.

29 АВГУСТА

Джон Маклауд и Боб Дэвисон, соответственно тренер и главный инструктор «Торонто», пришли, чтобы посмотреть на советских хоккеистов. Несчастные Джон и Боб проехали в самолете на пути в Москву не то двенадцать, не то тринадцать часов. Я думаю, что еще шесть часов ехали в ночном поезде Москва — Ленинград. То, что они увидели в Ленинграде, окончательно усилило их базисный русский Третьяк, пропустив в одной игре восемь шагов, а его товарищи по команде — и дело сглоткались о собственном козыре. Нечего говорить о гнет Маклаудов и Дэвисона была уничтожающим.

Однако я думаю иначе. Неблагоприятные впечатления, может быть, кто-то может сказать, когда видишь, что кто-то поступает не так, как тебе подсказывает собственный опыт. Но серьезные американские стандарты, к которым привыкли игроки НХЛ, русские делают слишком много передач, совершают много бросков и слишком малы ростом. Однако по европейским нормам эти игроки не являются нестандартным. Кто знает? Мы это скоро узнаем, а пока не смедаем слишком серьезно относиться к ленинградскому отчету.

Мы проехали всю последнюю двустороннюю игру, которая транслировалась по всей Канаде. Я играл тридцать минут и не пропустил ни одного гола. Наконец чувствую себя уверенным и готовым.

30 АВГУСТА

Мой средний палец распух, но время и ужалос болит. Сегодня во время тренировки Жильбер Перро бросил шабду футах с тридцати пяти, и я совершил тау ошибку. Но не внае, потому что бросок был слабее обычного. Шабда попал в самый ко-

не следить за Эспо, он забросит тебе все то двадцать пять шагов.

17 АВГУСТА

Вчера во время тренировки шабду, после одного из бросков Дениса Хаала, нулей отключил от Аляна Курнуаве и попал в лицо Брэду Парку. Время тинулось истерично долго, пока Брэд неподвижно лежал на яду. Его отнесли в раздевалку и срочно оправили в госпиталь. Мы все были убеждены, что ледяная комья раздробила карбесты.

«Слава богу, передела нет», — сказал нам перед тренировкой Сидней. — Только сильный удар». Позже приехал сам Брэд, чтобы забрать из раздевалки кое-какие вещи.

18 АВГУСТА

Теперь совершенно очевидно, что Сидней и Фергюсон репнаи не менять наш стиль игры только ради предстоящих встреч. Сегодня на яду мы обьявили, чтобы мы играли в своей обычной манере и ничего не выдумывали. Наши тренеры правы: едва ли можно победить русских, играя в их же ключе. Мы сумеем одолеть их, только противопоставив им свою игру. Да и то в ее лучшем виде.

вратарем, они редко говорят ему об этом, — чаше всего. В этом смысле вратарь практически защищен от всякой критики. Тем не менее недовольство команды ощущается всегда. И наоборот, когда вратарь выигрывает, команда непременно возмущается над ним: с возвращением! Что-то ведь давно не было видно».

Прерасно сознавать, что ты пользующись уважением, в особенности со стороны лучших представителей своей профессии. Быть может, сейчас после шести дней тренировок, и его время не заслужил, но надеюсь, что через несколько дней непременно дойдем своего.

21 АВГУСТА

Мне показалось забавным слышать, как во время одной из тренировок на от «Бронис» сказал Аляну Курнуаве из «Канадианс»: «Сейчас, приятель, мы с тобой дружим, потому что играем в одной команде, но как только 1 октября встретимся в Канаду, мы снова станем самыми заклятыми врагами. Не забывай этого». В самом деле, во время первых тренировок сборной не было случая, чтоб кто-нибудь замаскулся клоуном на това-

ищу в Монреале, до меня вдруг впервые дошло, как мало времени осталось до начала матча. Это церемония и воспринял как открытие международных соревнований по хоккею. И вот тут-то все мои мысли наконец переключались только на русских. Первая игра на следующей неделе. Я почувствовал мезкую дрожь в ногах. Телесный зрительский. И стола в воротах шестидесять минут, пропустил только четыре шагов и почувствовал себя виновным игрока. Если так дело пойдет и дальше, я буду готов к встрече с русскими.

27 АВГУСТА

Во время сегодняшней игры я не обнаружил на трибунах двух русских тренеров: они, должно быть, возвратились в Москву, чтобы рассказать своим ребятам, как здорово мы играем. А может быть, как плохо. Два тренера, Борис Кулагин и Аркадий Чернышев, присутствовали на наших тренировках и двусторонних играх и старались не присутствовать на одной игре. Если Фрэнк Махович проба-

Рисунок Геннадия **НОВОЖИЛОВА**

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевела с французского
Ира СЕВЕРОВА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Вбивство Коба потрясло меня потому, что оно ставило под угрозу будущее Мишэла. И тогда я предумал: нужно убить вас, чтобы снять подозрения с Аниты. Клянусь вам, мне ни на секунду не пришла — и никогда не придет! — мысль бросить ее, дать запереть за решетку, оставить страдать одну.

Когда в тот день, в пятницу, я вернулся в комнату, куда вы позже привезе вас, Анита уже не плакала. Мы долго говорили с ней, она символа, притягивавшая щеюю к моему лицу и обаяв рукавичею. Она монотонным голосом рассказывала мне о своей связи с Морисом Кобом: после нашей женитьбы они время от времени встречались, она не могла пожить с ним. Анита выстрелила в него тогда, что во время очередной их ссоры — он собрался ехать в Вильнев-лез-Авиньон, где его ждала другая женщина, — ружье оказалось под рукой. Я слышала не исповедь, думала, как избежать полиции, но не находила выхода. Анита сказала мне, что, встречаясь с Кобом, она боялась меня, держалась очень осторожно. Они бывали у него, только когда присуту угодная — так было в этот раз — а если случалось, что ей необходимо было назвать себя, она всегда называла чужую фамилию. Вашу. Дни. Вот так. Вы знаете, я вообще не медлитель, но голова у меня работает быстро. Я взглянула на часы — было четверть пятого. Когда Анита мне повзнила на агентство, со слезами умоляла меня приехать в квартал Моиморанси, было три часа. Значит, с момента смерти Коба прошло час с четвертью. Еще несколько минут, и меня ушло на то, чтобы хотя бы в общих чертах разработать план нашего спасения. Мне кажется, я достаточно убедительно дал вам понять, что наша судьба меня не волновала. Главное для меня тогда было — время. В одной янчу, в «Алесе» в стране чудес, говорится, что время — действующее лицо. И вот с этого момента я все свои силы бросил на то, чтобы оно было за вас, против вас и против всех. Это была основная моя цель.

В первую очередь я решил отодвинуть час убийства Коба да тех, кто будет вести следствие, и таким образом выиграть несколько часов, которые я хотел в полном моем распоряжении, получить, так сказать, чистые страницы и вписать в них новую, свою версию убийства. Для этого прежде всего потребовалось, чтобы вскрытие было произ-

ведено только через несколько дней. Значит, следовало спрятать труп Коба до тех пор, пока время его смерти можно будет установить лишь приблизительно. Кроме того, по моим планам, он должен был еще пожить, прежде чем умереть вторично. Вот почему я перенес место убийства из Паржеза в Вильнев. Коб собирался поехать туда. Так пусть поедет. В его бумагах я обнаружил билет на самолет. Я знал, что в Авиньоне он собирался взять свой «тендербер», который находится там в ремонте: утром в присутствии Аниты он зашел в гараж, чтобы проверить, будет ли машина готова, и сказал, что заберет ее. Я просил Аниту списать мне дом в Вильнев. Анита бывала там два два два три, первой жги, в которой у меня уже не было сил упернуть ее. Она сказала, что дом стоит довольно удачно, но исподлажу находится еще несколько вилл. Она была убеждена, что если произойдет три ружейных выстрела и на сей раз не в подвале с бетонными стенами, а в комнате с открытыми окнами, то соседи их услышат и смогут затем дать показания. Этого мне было достаточно.

Я принялся тщательно осматривать вещи в комнате, где мы находились с Анитой, потом в спальне Коба, которую она мне показала. Пока я занимался этим, голова моя лихорадочно работала. Знакомся с тем, что представляла из себя эта квартира, я в то же время во всех подробностях разработал план действий, который должен был доказать, что это убийство совершила вы и к тому же в тысяче километров от Парижа. Я пока ничего не говорил Аните, так как пришлось бы потратить драгоценное время на то, чтобы добиться ее согласия. Я раскрывал свой план постепенно, в течение всей ночи, по мере того, как мне нужна была ее помощь. Только в эреспирту, в самой последней момент я сказал ей, что вы должны будете погибнуть. Я вынул ей, что действо уверено и твердо, как всегда. Когда я уехал из дома в квартале Моиморанси, у меня вызвали сомнение лишь несколько деталей. Самое сложное заключалось в том, что, если не считать нескольких случаев, когда Анита при довольно туманных обстоятельствах называлась вашим именем, вас связывала с Морисом Кобом лишь одна янчу. И я тогда еще не мог определить, насколько она ценна для меня. Анита, рассказывая мне о своем романе, упоминала о нескольких снимках, которые она по просьбе Коба сделала тайком у вас дома крошечным, почти как жалыгала, аппаратом для любителей миниатюрных безделушек. Вас доба-

вила, что он увлекался «подобными глупостями» и умел делать превосходные отпечатки с самых разных негативов. Но, насколько она помнила, все снимки, за исключением одного, сделанного утром при ярком свете, когда вы были без очков и поэтому она могла действовать более смело, оказались либо слишком темными, либо явно сдвоенными стовами о том, что они проведены против вашей воли, и поэтому были не только непригодны, но даже опасны для задуманного мною плана. К тому же Коб увез их в Вильнев, и Анита сомневалась, сохранились ли они. Коб вынес вас еще до нашей женитьбы, всего один раз, да и то мимоходом, в подъезде вашего дома, когда вы возвращались к себе, а Анита выходила с ним из вашей квартиры. Вы настолько приважили его внимание, что он убедил Аниту сфотографировать вас, когда она будет у вас ночевать. — Он это сделал главным образом из желания унизить ее. А вы, насколько она знает, едва обратили на него внимание.

Я оставил труп Коба в тире и запер дверь на ключ. В его спальне я собрал всю одежду, которая была на нем в тот день. Взял его бумажник с разными бумагами, среди которых оказался рецент на дититале, адрес гаража в Авиньоне и авиабилет на Марсель-Марианья. Я позвонил на телефонную станцию и попросил, когда будут вымывать его номер, отвечать, что абонент вернется после праздника. Анита и дал ключи Коба, чтобы она, когда будет уходить, все заперла. Я сказал ей, что привезу вас сюда и таким образом изолиру на одну ночь, и объяснил, под каким предлогом сделаю это. Я поручил Аните распылить по шкафу те вещи, которые могли бы нанести вас на мысль, что вы не в нашей квартире. Анита была уверена, что вы знаете, где мы живем. Но в общем, то, что вы могли подумать, уже не играло никакой роли, так как позавтра вы должны были умереть.

Я предупредил Аниту, что через полчаса позволю ей явнню Мозар. Она должна передергаться, чтобы поехать на фестиваль рекламных фильмов, где мы намеревались быть. Я по телефону опши ей, что вы наденете, чтобы она пригласила кто-нибудь похуже для себя.

Она никак не могла понять, зачем это. Ее блудное лицо было испещрено черными полосками растекшейся туши для ресниц. Она была как потерянная. Я сказал, что ей необходимо сейчас хорошо выгладеть, естественно держаться, взять себя в руки.

Я сел в свою машину, которая стояла на улице

Продолжение. Начало в №№ 11 — 18.

Жизнь поэта

1.

Пускай по судьбе я не пахарь,
а все же дереву на примете,
что с первой минуты рождена
жизнь я в сосновой избе.
Живу я в родном сельцовете,
люблю свои доли и скаты.
Зачем же я буду пред ними
с поклонной стоять головой!

Играют стрижи над рекою,
за плавнями плещется рыба —
и вот уже песня готова,
а сверху и мисси-надля.
И вот уже песня в той лодке
плывет высоко над деревней.
Плывет она там, серебрится —
и звоном далеким звенит.

И так хорошо мне при этом
в юланью зевая затеяться,
а после шагать через поле,
замкнув за плечи руки!
И пусть прохрустят мои тропы
огнистой соломой спонями,
и пусть оно мне издадека —
вечернее сванит шоссе.

Зажугуса знакомо звезды,
над полем пролетает молчанье,

и грянут сверчки луговые
во все инструменты земли.
А песня моя через заводы
продреждет в серебряной лодке.
И к ней на-под тьмы прицепит
лгушки свои голоса.

2.

А рядом — доски и верстак,
Долота, сверла,
И солнце раштрубом — вот так —
Раскрыло горло.

А вот и почка и сверчок —
Дружок несложный.
А вот свамейки-вэрстачок
С шитьем сложным.

И только столки в уголке —
Среди ромашек,
А карандаш в моей руке —
Из рода пташек.

И присносился наждак
В сосветие гордом.
И песня раштрубом — вот так! —
Раскрыла горло.

Владимир ДРОБЫШЕВ

Ноктюрн

В начале шестидесятых годов
посреди тайги готовили ложе
нового моря. В старинном
городе Братске (его сейчас
могут отыскать только водолазы)
сжигали все оставшиеся дома,
которые по востости не имели
силы перевозить на зоны
затопления.

Старый город горел.
Деревянный стариннейший город.
Я был весел,
был отчаянно молод
и бесечно на город глядел.
У огромных востурн,
свяс голлицы,
грел тяжелые руки,
грел усталые руки,
вонючие не испытывал
ни тревоги,
ни мучи.
Похвализь дома,
жарким пламенем брался
сарая, забораи.
Стало много вокруг пепелищ,
и почти не осталось домов,
не осталось домов —
погорели

дома,
общаюкитя,
клубы,
котиторы.
Похвализь дома.
Ночь пыла
над Сибирью,
над Окой
и над Братском.
Яро рвался огонь —
все хотел до тайги далекой
добраться.

Старый город горел,
и невидный дым поднимался
в беззвонное небо.
Мыл работали.
Делали дело.
Город жгли.
Наступление на город отживший
вели.
На огонь опускался смячок
белый-белый.

А навстречу ему
поднимался
невидный дым.
Мы работали.
Делали дело.
Верия я,
что останусь навеки молодым.

Сколько трав под чужими подковами!
Сколько слез в погоревших полях!
Только солнца, как щит заволодываи,
На высоких твоих облаках.

Ах ты, дола! Земля-подковиная!
Ни куски, ни избы, ни плетия.
Только жаром твой щит, мой Родина,
Под высокими звездами Дня.

И пускай над землей, как метелица,
Пролетают железо и дым,—
Загорается вонючая спелница
Над луночными злами твоим.
И луга созревают поносам,
И те склоны звенят рездой.
И ни я ли под майскими росами
Тут за плугом мой бороздой!

И летят над путями походными
Солдцебоги с твоей рукови.
И проносятся песни сабодные
Над провалами черных тумани.

А я пойду опять и Восходу —
В те запевные сады,
Чтоб поклониться Древороду
И вновь испить живой воды.

Я опущу в златие струи
Свою заветную свирель...
И снова в рудочку подую —
И вокруг нее завьется змель,

Завьется змель, завьется Слово,
Засеребрится луня звездми.
И поведу я снова, снова
За песней горы и сады.

И зацветет земля родная
Цветками вечного огня,
И голубой кафтан Дуная
Стрибог надедет на жема.

Загорится я, земля,
в твоих долинах,
Зажугился на охотах соловьиных,
Засидусь у печорского сугора,
Загляделся в соловещие озера.

То ли в горе, то ли в сорре,
то ли в сваве
Изругались мы на каждой переправе.

То ли в Чуди, то ли там,
на Вертогуре,
Протрубили мы все роги наши турьи.

Загортились мы, землица,
заигрались,
То ли богу, то ли стогоу
поклонялись.

То ли сыну, то ли батые,
то ли матке
Загадали мы заморские загадки.

А теперь бы нам и последия
в рывачник —
Ту ль веселую проказничу-слиннику.

Подержал бы я, голубушку, поглядия
Да и песенку последнюю б изладия:

То ли в горе, то ли в хвори,
то ли в сваве
Полоноил бы я голушкы в канаве.
То ли в Каме, то ли в храме,
то ли в клетки,
То ли где-нибудь у мышки на повети.

В пути

Стремительная железная дорога.
Гляжу — и стеклу источною приник
усталый и задумчивый немного,
еще совсем не старый проводник.
А за стеклом вагонным —
мгла и холод.

А за стеклом вагонным — пустота,
а за стеклом, радостен и молод,
душа моя спонюина и чиста.
И идет межь страна, и идет работе,
нелегка, простая, как слова,
и кружится от счастья голора.
Стремительный далекий скорый поезд —
он столько стоек читает меня в Сибирь.
Вот расплетен он и сини и ширь,
прочтеш свою запутанную повесть.
И в предвизуемых неизвестных дел
главу я на седого человека,
прямошного к стремительности века,
запоминано: он в окно глядел.

Рисунки Владимира ДЕЛЫ

Слотк испонить о городе Братске,
И неветит тревожная грусть,
Все трюинки вокруг и распиди
Полмно я и теперь нилусть.
Я случайно тогда приехал,
В явете, надводный собой.
А случился, что стал он востой,
Стал навеки моего судьбой.
Там свая я узнал впервые.
И теперь, где бы ни был я,
Смузатошные дни отгуывае.
Все преследуют, амант меня.
Мертвый свет проекторный ночью,
Рев машин и серый бетон,
Каш впервые, словно восточью,
Мой спонюиный преследуют сон.
Я оттуда случайно уехал —
Захотелось найти покой,
Но не остался тот город вестой
И живую мою мечтой.

У берега Байкала
в осенней тишине
я понял, что немало
жизнь уделила мне:
такой зовущей дали,
такой воды прозрачной
она испить мне дала
в обычный день невзрачный.

— НЕТ, ДОКТОР,
ГЕЛАЗИНОЕ

Рисунок Игоря ВОРОВАБЕВА

ТАЙМ — АУТ

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

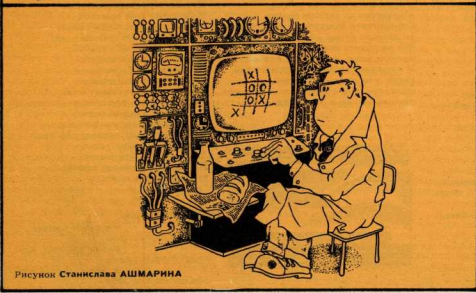

Рисунок Станислава АШМАРИНА

Платье раздатчик мастерской ЛЮБИМКОГО ВЫБОРА

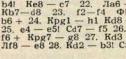
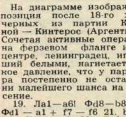
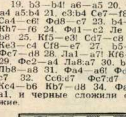
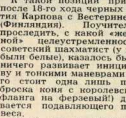
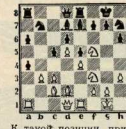
**ЗОЛОТЫЙ КУБОН
ВНОВЬ В МОСКВЕ**

Жаркие шахматные позиции разгорались минувшим летом в Ницце. На французский среднотемповый турнир съехались сильные мастера и гроссмейстеры 74 страны пещи континента. Они приняли участие в XXI всемирной шахматной олимпиаде, посвященной 50-летию ФИДЕ — Международной шахматной федерации.

Впечатительную победу одержала сборная СССР. Наш гроссмейстерский состав, несмотря на серьезную конкуренцию ряда сильных команд и тесный регламент соревнований, выиграл 20 матчей и два свей вничью. Не было програно ни одной партии ни одной командной встречи, но даже на одной партии в финале позволили светскому «сборной» опередить серебряных призеров — югославов — на 8½ очков. «Бронза» досталась шахматистам США.

В итоге Анатолий Карпов, Виктор Корчной, Борис Спаский, Тигран Петросян, Михаил Таль и Владимир Кузминя несутся домой с Золотым Кубком Ротшильда-Расселла, который советские шахматисты выигали с 1955 года ни разу никому не уступая, а также с золотыми олимпийскими медалями.

Моментальные снимки из интереснейших партий выгравированы в Ницце, покажут читателям «Смены», как добавилось нашей шахматной агулужной олимпиадное «золото».

еб 29. НВ3 — а1 Сс8 — а7 30.
 1а4 — с2 Лав — с2 31. КВ1 —
 д4 Нс7 — а8 32. Лс2 — с8 Лав:
 с8 33. — б2 ФВ6 — с3 34.
 КА5 — с6! Сд7 — с6 35. а5 — с8
 Фс3 — f4 36. Фс2 — а2 Лав:
 с7 37. Нс7 — е4 Фд4: а4 38.
 Кс4 — d6! и белые без труда
 реализовали преимущество.

Вы видите положение фигур, которое создается после 17-го хода черными в партии Славский — Левин. Шотландия, чемпион СССР успешно проиграл выиграв молниеносным фланговым штурмом, однако умело отыграл тактические попятки, препятствуя продвижению в центре. Сильное впечатление оставляет жертва белыми пешками.

11. б2 — б4 12. с4 — б5 НВ3 13. Кс8 — е4 Сс7: д4 14. б4 — б5 е6 — d5 15. е4 — а5 ФВ6 — с5 16. Сб6 — f6 Фс5 — с5 17. Фс2 — бВ1 Нс8 — б4 18. Лд1: а4 Фс5 — d4 19. Сб7 — f7, и шотландец пошел на натурпалоу.

Фигурантоу технику заглянул продолжил провал Петросян в партии против Брауна (США). На очереди 24-й ход играющего белыми мостичка. Его фланговые продвижения оказались настолько подвижными, что американец не успевал даже преследовать развивающиеся слоны.

24. Лд5:с5 — е4 — с3 25. б2 — б4 ЛВ3 — с2 26. — е3 е7 — е6 27. Сс2 — d3 Кс7 — е5 28. Крел — с2 Нс3 — с6 29. — а5 б4 КрВ1 — с1 30. Сс3 — б5 Нс6 — d4 — z1. Сс3 — е4 Сс7 — с2 — е3 — е4 31. Кс7 — б7 32. Сс3 — е4 f7 — f5 34. Нс6 — d3 Сс6 — е5 35. Лс2 — б3 КрВ1 — f6 36. — а4 — а5 Лс7 — б5 37. Сс4 — б5 ЛВ3: б5 38. Лс2 — а2, и через несколько ходов черные «опустятся» на лавасе.

Перед вами зрелищная ситуация, возникшая после 14-го хода черными в партии Таль — Магнуссен (Монголия). Зоркостью жертвой лавы рванули, обрушивает «гром и молнии» на короля соперника. Углубление мисловытаны жарятамми, белые, правда, упускают возможность. Углубление мисловытаны жарятамми, белые, правда, упускают возможность. Углубление мисловытаны жарятамми, белые, правда, упускают возможность.

14. КрВ1 — е1 15. Са2 — е8 — КрВ8 — f8 17. Кс3 — б4? Нс4 — f5 18. Фс2 — Нс7 — с8 19. Фс7 — КВ8 — КрВ8 — е7 20. НВ4 — f5 21. Фс2 — Нс7 24. — Кс6: е5 22. Фс8: К7 — КрВ8 — е5 23. Нс5 — КрВ1 24. — Кс6: С1 — f4 Сб7 — а5 25. Лд1 — е1! КрВ8 — с5 26. ЛдВ8: Лс8 — с7 27. Фс8 — КВ8 — с4 28. КВ4 — с2! Лав — с8 29. Фс5 — f4 КрВ8 — с4 30. Фс5: с4 и белые легко выигрывают.

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 19/VIII 1974 г. А 00848. Подписано и печатно 6/IX 1974 г. Объем 1 пед. л. 5,60. Уч.-зд. л. 11,55. Тираж 115 000 экз. № 2223. Отд. Ленинна и орденна Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125985, Москва, А-47, ГСП, улица «Правда», 24.

Формат 70x108/4. Заня № 2706. Имени В. И. Ленина.

ВЕТОСЛАВНО

Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ
Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

два друга

Дваим было счастье обещано,
Светает, туман над водой.
Два друга, мужчина и женщина,
Стоят над рекой.

А Волга под ними клубится,
И дышит в лицо губышка,
И встреча у них не кончается
Во все времена.

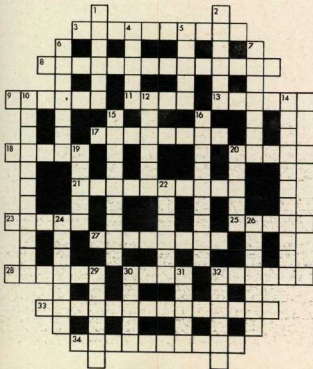
Припе:
Судьба переменчива —
Известно давно,
Два друга, мужчина и женщина,
Два друга, мужчина и женщина,
Два мира! А счастье одно.

Проходят от берега и берегу,
Теряются где-то в пути,
Как хочется чисто и бережно
Любовь пронести!

Над войнами всем и муками
Проносим надежды свои,
А в мире разлита, как музика,
Тоска по любви.

Припе.
Пусте будет все, что обещано.
Светает, туман над водой,
Два друга, мужчина и женщина,
Стоят над рекой.

В любви не клубится, не дышит,
Им очень нужна тишина,
И встреча у них не кончается
Во все времена.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Научный метод познания явлений природы, развития общества.
8. Радиоприемник.
9. Музыкальный инструмент.
11. Рыба отряда анулобразных.
13. Шест знамен, флага.
17. Самоходная газообводная камера.
18. Денежная единица некоторых европейских стран.
20. Хлопчатобумажная ткань.
21. Воздушный шар.
23. Место подневных горных работ.
25. Рыболовный порт в Японии.
27. Сходство, соответствие.
28. Русская народная песня на слова И. Сурикова.
30. Государство в Юго-Западной Азии.
32. Личные соревнования.
33. Западноевропейское государство.
34. Ученый-селекционер, дачник. Герой Социалистического Труда.

По вертикали:

1. Рассказ А. П. Чехова.
2. Сочетание музыкальных звуков.
4. Столица Англии.
5. Производственное объединение.
6. Герой оперы М. И. Глинка.
7. Горная система в Европе.
10. Узоры из перламутра, дерева, металла.
12. Режим погоды, свойственный для определенной местности.
14. Отрасль сельского хозяйства.
15. Горнолыжная база в Грузии.
16. Учреждение для лечения и отвыкания.
19. Река на Северном Кавказе.
20. Город в Челябинской области.
22. Минюстрис.
23. Народная артистка СССР.
24. Ирригационное устройство.
26. Одне из первых Героев Советского Союза.
29. Направление движения, определенное по карте и компасу.
30. Герой оперы А. П. Бородина.
31. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций.
32. Жанр народного творчества.

Составил
В. МУХОМЕДЯНОВ,
г. Красноярск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

4. Кассиопея.
5. Гидрограф.
10. Левитан.
13. Анемона.
14. Триллет.
15. Яндальс.
17. Стасос.
18. Нивелировка.
21. Канада.
22. Раздан.
23. Киннер.
25. Олендр.
26. Евгения.
28. Корсетная.
29. «Ягодет».

По вертикали:

1. Варлант.
2. Титов.
3. Дежнев.
6. Леонавалдо.
7. Жираф.
8. Умид.
9. Антониана.
11. Литология.
12. Альфреско.
16. Сима.
17. Сокур.
19. «Данна».
20. Узбен.
23. Криолит.
24. Регистр.
27. Тесла.

кан они злятся, камо у них при этом рас, норов омад, кан работат мускулы. И если перестал смеяться...
— Вы любите животных, но убиваете их. Как это понять!

— Я изведу одну птичку, чтоб им у кого не возникло желания убить ее ради забавы. Сделаю чучело поймав птичку, и, может, кто-то пожелает пойти в лес только для того, чтоб послушать соловья.

По заданию в лесном заповеднике была стоять лесничка с телетамом. Но отстрел лоса летом запрещен. Ставить извешенно нельзя: на так смотрятся животные зверей. И тогда по просьбе из Костромы главного управления озерного хозяйства было разрешение на отстрел одного лоса — в виде исключения, только для музея.

Если не есть возможность не стрелять, так и его соратники не стреляют. Однажды узнал Владимир Андреевич, что неделю назад в раноне неподалеку от Костромы заповедник порубили телетам. Видно, какой браконьер лосину, а детеныши не смог выжить. Так высказал по адресу, осмотрел шкуру, она еще была не порублена, и телетамы стали теперь в одном из заповедников.

Результатом неспроста для Владимира Андреевича становится запись в книге отзывов, например, такая: «Все, что увидели, воспринимает бережно отношение к природе нашей Родины. Может быть, написала это кто-то из тех, кто когда-то гонялся за лугунами, желая проверить бабушкино глупое лугунку — будет дрозды, кто носил за лугунку рогаину, но кто лавал даже разнесчастный комар, даже крошечная бурозубка, подудая очень необычный образ жизни — 50 раз в сутки она засплет, 120 раз трепещет, съедая 12 граммов пищи при собственной весе 3 грамма, — даже такие странные обитатели лесов и лесов нужны природе».

МИР ЛЕСА

